

Б.А. Денисов

КРИТИКА

АНТИМАРКСИСТСКИХ
ТЕОРИЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

ЭКОНОМИКА

1960
СЕРИЯ III

7

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Б. А. ДЕНИСОВ

КРИТИКА
АНТИМАРКСИСТСКИХ ТЕОРИЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1960

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Антимарксистские теории буржуазного государства и капиталистических монополий	6
Основные направления буржуазных теорий государственно-монополистического капитализма	19
Современный реформизм и ревизионизм о государственно-монополистическом капитализме	36

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая пл., д. 3/4.

Автор
Борис Андреевич Денисов

Редактор Ю. Н. Дубровский
Техн. редактор Л. Е. Атрощенко
Корректор З. С. Патеревская
Обложка художника И. А. Тарасова

A00156. Подписано к печати 7/III 1960 г. Тираж 40 000 экз. Изд. № 32.
Бумага 60×92 1/16—1,5 бум. л.=3,0 печ. л. Учетно-изд. 3,17 л. Зак. 303.
Цена 60 коп.

Типография изд-ва «Знание». Москва, центр. Новая пл., д. 3/4.

ВВЕДЕНИЕ

ДОСТИЖЕНИЯ мировой системы социализма, неуклонный подъем экономики и благосостояния народных масс, замечательные успехи в области науки, техники и культуры в СССР и странах народной демократии убедительно свидетельствуют о неодолимой силе социалистического строя.

Капиталистическая система, отжив свой век, не в состоянии избавить трудящихся от необеспеченности, безработицы и войн. Она не может ликвидировать экономические кризисы, разрушающие производительные силы общества и свидетельствующие о безысходном тупике капиталистического строя. Однако капитализм цепляется за все возможные средства, чтобы продлить свое существование. Стараясь приспособиться к новой обстановке, империалисты спешно перестраиваются, меняют формы борьбы, лихорадочно вырабатывают новую тактику, опутывают сознание трудящихся изощренной демагогией.

Великая притягательная сила идей социализма, рост могущества мировой социалистической системы, объединяющей ныне более миллиарда человек, вынуждают апологетов капитализма выискивать новые приемы оправдания отжившей свой век и дискредитировавшей себя в глазах широчайших народных масс капиталистической системы. На службе современного империализма находится огромная армия буржуазных ученых, реформистов и ревизионистов, ревностно защищающих интересы господствующих классов, готовых по первому сигналу исписать тысячи страниц, доказывая недоказуемое, объявляя черное белым.

В настоящее время в связи с тем, что миллионы людей в буржуазных странах убеждаются в огромном превосходстве социалистического строя, начинают видеть в идее мирного сосуществования реальную программу избавления чело-

вещества от страха истребительных войн, все более чувствуют неразрешимые противоречия капитализма, господствующие классы усиливают идеологическое наступление против трудящихся. В странах капитала появились настойчивые попытки внушить трудящимся, что мирное сосуществование двух систем распространяется и на идеологическую область.

Однако мирное сосуществование не исключает непримиримой борьбы против буржуазной идеологии. Последовательная, принципиальная и решительная идеологическая борьба, беспощадное разоблачение апологетов современного империализма является важнейшим условием сохранения чистоты марксистско-ленинской теории.

Одним из центральных вопросов идеологической борьбы в современных условиях является вопрос о сущности и тенденциях развития государственно-монополистического капитализма. Это объясняется тем, что рост государственно-монополистического капитализма является ярким проявлением обострения противоречий буржуазного строя и усиления политической реакции, свидетельствующих об углублении общего кризиса мировой капиталистической системы.

Марксистско-ленинская теория, обобщив новые данные развития капитализма, пришла к единственно правильному выводу, что государственно-монополистический капитализм выражается, во-первых, в том, что государственная власть и ее аппарат подчинены капиталистическим монополиям и используются в их корыстных целях, и, во-вторых, представляет собой высшую форму обобществления производства при капитализме, для которой характерно то, что государство выступает не только как орудие политической власти буржуазии, но и как собственник отдельных предприятий или даже целых отраслей хозяйства.

«В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии и против пролетариата»¹. Государственно-монополистический капитализм есть результат развития свойственных капитализму противоречий, концентрации и централизации капитала. Основное противоречие капитализма, выражающееся в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения, в условиях государственно-монополистического капитализма еще более обострилось. Государственно-монополистический капитализм, не отменяя действия экономических законов капитализма, в частности анархии производства, означает усиление экономической роли государства при сохранении капиталистической собственности на средства производства. Но буржуазное государство не создает, да и не может создать возможность действительного планирования хозяй-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 467.

ства в масштабе страны. «Отменить объективные законы капиталистической экономики, вызывающие анархию производства и экономические кризисы, государство не в состоянии»¹. Вмешательство буржуазного государства в экономическую жизнь страны осуществляется в целях охраны интересов крупнейших монополий и класса капиталистов в целом. Государство стремится обеспечить капиталистической промышленности регулярный источник рабочей силы и оказать помощь промышленникам путем поддержания «мира в промышленности», который позволяет капиталистам беспощадно эксплуатировать рабочих. Буржуазное государство активно помогает капиталистам своей страны в деле захвата иностранных рынков, преодоления иностранной конкуренции, обеспечения импорта сырья по монопольно низким ценам и нахождения сфер выгодного приложения капитала за границей, особенно в колониях и других слаборазвитых странах.

Превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм не меняет сущности капиталистической собственности, характера отношений между капиталистами и рабочим классом в процессе производства, капиталистической формы распределения национального дохода, не колеблет диктатуры буржуазии.

Государственно-монополистический капитализм связан с милитаризацией капиталистического хозяйства, с подготовкой и ведением империалистических войн за передел уже поделенного мира и, наконец, с невероятным обогащением капиталистических монополий за счет усиления эксплуатации трудящихся масс.

Такова в общих чертах природа государственно-монополистического капитализма.

В современных условиях становится очевидной актуальность разоблачения подлинных отношений буржуазного государства и капиталистических монополий. Идеологи капитализма пытаются внушить народным массам идею, согласно которой государственно-монополистический капитализм, который они называют «демократией собственников», «народным капитализмом», «государством возможностей», «коллективным капитализмом» и т. д., будет вечно развиваться и будет впредь давать «смелым, сильным и предприимчивым людям» (так, отбросив в сторону даже подобие скромности, характеризуют себя банкиры, промышленники, спекулянты и прочие заправилы капиталистического мира) возможность прокладывать путь в жизни.

Больше того, буржуазные идеологи ныне стараются вообще отказаться от ненавистного народным массам слова «ка-

---

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 16. Госполитиздат. 1956.

питализм». Взамен изобретаются новые названия: «общество всеобщего благосостояния», «экономический гуманизм» и т. д. А. Гарриман, выступая вскоре после визита в США главы Советского правительства товарища Н. С. Хрущева, сказал: «Мы не должны позволять г-ну Хрущеву или любому другому коммунисту изображать нас знаменосцами капитализма. Наша экономическая система мало в чем сходна с марксистской концепцией капитализма вековой давности, и мы должны отказаться от этого слова».

Буржуазные теоретики ныне рассчитывают, что эпоха мирного сосуществования государств с различным социальным строем снимет с повестки дня идеологическую борьбу и позволит им продолжать обманывать трудящихся, изображая государственно-монополистический капитализм царством всеобщего благополучия. Однако между буржуазным и пролетарским мировоззрением по этому, как и по всем другим идеологическим вопросам, нет и не может быть компромиссов.

Необходимость последовательного разоблачения современных антимарксистских теорий государственно-монополистического капитализма является одной из важнейших задач марксистско-ленинской политической экономии.

АНТИМАРКСИСТСКИЕ ТЕОРИИ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ МОНОПОЛИЙ

Апологеты государственно-монополистического капитализма искажают сущность капиталистического государства и буржуазных монополий.

В связи с важностью этой проблемы рассмотрение буржуазных теорий государственно-монополистического капитализма лучше начать с основных учений современных идеологов буржуазии по вопросам государства и монополий.

Большинство буржуазных ученых, отвечая на вопрос, что такое государство и какова его роль, исходят из следующих антинаучных концепций.

Буржуазные ученые отрицают классовую сущность государства и тем самым пытаются опровергнуть марксистский тезис о том, что государство представляет собой аппарат, машину, орудие господства одного класса над другим, а эксплуататорское государство — орудие власти меньшинства над большинством. Буржуазные теоретики нередко отрицают наличие классов в современном капиталистическом обществе, а государство представляют в качестве организации, стоящей над обществом, над классами, над партиями и якобы выражающей надклассовую и межклассовую волю и интересы.

Так, например, западногерманская социал-демократическая газета «Нейе рейнцейтунг» в номере от 1 июля 1956 года опубликовала статью под заголовком «Для рабочего, имеюще-

го телевизор, период классовой борьбы миновал». Ее автор — политический редактор Йенс Феддерсен — заявляет: «Я осмеливаюсь выступить с довольно смелым утверждением, а именно, что немецкий предприниматель американского типа и рабочий объединены в наше время общими интересами». По словам автора, в ФРГ, как и в США, существует ныне «идеологический вакуум». В США этот вакуум «привел к созданию общества без классовых различий».

«Государство — организация по установлению правил игры и контроля за их соблюдением», или «государство — совокупность юридических норм» — таковы излюбленные определения государства буржуазными учеными.

Французский доктор философии, географ И. Гобле в книге «Политическая география и карта мира», вышедшей в 1955 году в Лондоне, называет государство «политико-географическим организмом», являющимся продуктом взаимодействия территории и человека. При рассмотрении государства он полностью игнорирует его классовую сущность и старается замолчать роль классовой борьбы в процессе возникновения и развития государства.

«Государство стоит выше частных интересов и соперничества, согласуя то, что в противном случае было бы беспорядочной массой противоречивых целей и интересов. Оно устанавливает правила игры и добивается их выполнения», — так пишет консерватор Т. Аттли в книге «Очерки на тему о консерватизме», изданной в 1956 году в Лондоне. По его мнению, государство стоит вне классов, вне политики, вне борьбы, в позе почти постороннего наблюдателя.

С позицией буржуазных авторов смыкаются взгляды реформистов, проповедующих «государство народного благосостояния». Ставя понятие государства с ног на голову, подобные теоретики противопоставляют марксизму «теорию демократии». По их мнению, современное государство не является классовым, ибо оно непрерывно улучшает благосостояние всех социальных групп.

Взгляды правых социалистов на буржуазное государство мало чем отличаются от взглядов английских консерваторов, которые считают, что современное государство не является орудием борьбы одного класса против другого, что оно обособилось от общества, примиряет классы, приводит к классовому миру. Согласно теориям консерваторов, государство выполняет две функции: а) устанавливает задачи национальной экономической политики и контролирует ее действенность в обеспечении национальной безопасности и процветания народов; б) выступает в роли арбитра, третейского судьи между своими подданными, улаживает их споры, трения и конфликты, урегулирование которых необходимо для обеспечения безопасности и процветания народа.

По мнению американских ученых Э. Джонсона и Г. Крусса, государство занимает положение третейского судьи между монополиями и профсоюзами и своим вмешательством в экономику улучшает условия труда, защищая более слабых членов общества от экономических трудностей. Здесь налицо социальная демагогия: буржуазное государство из орудия эксплуататорского меньшинства превратилось в защитника интересов слабых членов общества.

Обычно в этих случаях ссылаются на современную налоговую систему США. Эта система превозносится буржуазией, как образец социальной справедливости, венец демократии.

В США существует прогрессивная шкала налогообложения, причем семьи с доходом ниже официального прожиточного минимума подоходным налогом вообще не облагаются. Если принять во внимание только формальную сторону, то в самом деле может показаться, что вся эта шкала справедлива, ибо богатый вынужден уступать значительную часть своих прибылей, а бедный вообще налогов не платит. Но в действительности дело обстоит совсем иначе. Многочисленные оговорки в налоговом законодательстве США предоставляют льготы и привилегии лицам с большими нетрудовыми доходами. Есть, например, закон, по которому подоходный налог с компаний и корпораций не должен превышать 52 процентов их прибылей. Но этот закон является фикцией, так как значительные средства изымаются из суммы доходов, подлежащих налогообложению. Как компаниям, так и отдельным владельцам разрешается изымать из облагаемого дохода огромные суммы на амортизацию оборудования. Значительную часть прибылей компании включают в издержки производства. Многие крупные компании ухитряются включить в «издержки производства» даже расходы на содержание лоббистов — специальных агентов, задача которых заключается в том, чтобы влиять на конгрессменов и добиваться принятия конгрессом выгодных монополиям законов.

Вообще говоря, налоги с монополий по своей сути являются авансированием капитала, ибо на следующий год монополии получают от государства выгоднейшие военные заказы. Многие корпорации имеют, помимо этого, еще особые льготы. Например, 27,5 процента доходов нефтяных и горнодобывающих компаний не подлежат обложению, что должно якобы возместить их потери от истощения естественных запасов нефти. Корпорации, имеющие капиталовложения за границей, по существующим законам могут вычитать из общей суммы причитающихся с них налогов суммы, уплаченные иностранным государствам. В 1955 году компания Рокфеллера «Арамко», получившая 270 млн. долларов чистой прибыли, не заплатила с этой суммы ни одного цента подоходного налога, так как

предоставленные ей льготы давали возможность изъять из обложения сумму, превышающую весь этот доход.

Примерно так же облагаются личные доходы капиталистов. Существует закон, по которому доходы, получаемые в виде дивидендов, облагаются по более низким ставкам, чем все прочие доходы, а это — немаловажная льгота, если учесть, что личные доходы, превышающие миллион долларов в год, почти наполовину составляются из дивидендов. Человек, стригущий купоны, платит значительно меньший налог, чем человек, зарабатывающий деньги собственными руками. Доходы с процентов на ценные бумаги, выпускаемые штатами и муниципалитетами, вообще не облагаются налогами. Таким образом, налоговая система США благоприятствует развитию самых паразитических форм обогащения. Кроме того, лица, имеющие крупные доходы, могут дробить их на всех членов семьи, включая даже грудных детей, что дает возможность платить налоги не по высшим, а по средним ставкам. Только одна эта льгота уменьшает общую сумму налогов с крупного капитала на несколько миллиардов долларов в год. Члены корпораций платят налоги лишь с той части дохода, которая перечисляется на их счет в виде дивидендов. Увеличение же их личной доли в неделимом капитале корпораций подходным налогом не облагается, хотя это увеличение нередко является главной формой обогащения. Наконец, лица с крупными нетрудовыми доходами могут в течение 8 лет списывать часть прибылей на возмещение прежних убытков. Помимо законного сокращения налогов с крупных капиталов, существуют десятки способов незаконного сокрытия доходов от налоговых властей. По сообщению газеты «Уолл-стрит джорнэл» от 11 апреля 1957 года, в 1956 году в судах разбиралось 2 580 дел о сокрытии доходов, выразившихся в общей сумме 111 млн. долларов.

Но и ту часть своих доходов, которую капиталист выплачивает государству в виде налогов, он, как правило, перекладывает на потребителя. Он достигает этого посредством соответствующего увеличения цен на товары и услуги. Таким образом, прямые налоги с имущих превращаются в косвенные налоги с неимущих. Не случайно поэтому, по данным американской печати, ныне в США есть 155 человек, каждый из которых владеет состоянием в 50 млн. долларов и выше. Наряду с этим 12 млн. семей имеют годовой доход менее 2 тыс. долларов, а 4,5 млн. семей — до 1 тыс. долларов.

Американец, живущий на трудовые доходы, не пользуется ни одной из перечисленных льгот. Становится очевидным, что общее налоговое бремя на душу населения США, составлявшее в 1946 году 368 долларов, в 1955 году — 545 долларов и в 1959 году — 635 долларов, лежит главным образом на плечах широких трудящихся масс¹.

¹ «The magazine of Wall street», 1 august 1959.

Идеологам буржуазии становится все труднее обманывать народные массы при помощи концепции «государства народного благосостояния», государства-арбитра.

Появляются концепции, которые не отрицают силу и гнет буржуазного государства, но пытаются доказать фатальную неизбежность диктатуры буржуазии и подавления трудящихся. «Сегодня человек, — пишет профессор Вэртинг в статье «Саморазвитие человека и саморазвитие государства», — все более и более принуждается магической первобытной силой к отступлению из своего индивидуального, субъективного, неустойчивого мира в мир жестокой закономерности. Зловещая судьба человека поставила его под иго государственного закона развития»¹.

«Немного менее чем за 200 лет произошла величайшая перемена во взаимоотношениях общества и государства», — пишет в другом месте Вэртинг, — то есть совершился переход «от абсолютного политического господства частного общества к тотальной политической власти государства над обществом. Процесс этого изменения еще не закончен. Он идет по всей Европе в этом направлении дальше и даже со все возрастающей интенсивностью и быстротой» (стр. 25). И, наконец, «саморазвитие государства на Западе уже сегодня так сильно, что оно определяет новый общественный порядок...» (стр. 28), под которым автор имеет в виду государственно-монополистический капитализм. Преувеличивая политическое значение государства в современном капиталистическом обществе, утверждая, что государство отделилось от общества и от классов и стало над ними, автор совершенно игнорирует то, что буржуазное государство подавляет большинство населения в пользу эксплуататорского меньшинства, как никогда раньше проявляет свою классовую природу, находясь на службе и выполняя волю монополистического капитала.

Как можно говорить о надклассовом характере современного буржуазного государства, если, например, в США сто пятьдесят из двухсот семидесяти двух главных исполнительных постов в правительстве в 1955 году были заняты непосредственно крупными капиталистами и ни одна должность не была предоставлена рабочему! Ясно, что не человек вообще является объектом подавления и угнетения, а трудящиеся массы, которые в капиталистических странах были и остаются объектом эксплуатации, подавления, обмана и угнетения всеми видами буржуазных учреждений, в том числе и современным капиталистическим государством.

Типичным для апологетов империализма является непомерное преувеличение экономической роли государства и придание ему роли лидера и руководителя всего общества и его экономики при отрицании классовой сущности буржуазного госу-

¹ «Zeitschrift für Staatssoziologie», Heft 2, 1955, S. 6.

дарства. Особенно ярко преувеличение экономических возможностей буржуазного государства выразилось в теориях Кейнса — Хансена.

Буржуазное государство, по мнению этих и многих других теоретиков, способно планировать, регулировать, организовывать все хозяйство. Подобные теоретики утверждают, что рабочий класс, опираясь на буржуазное государство, может изменить действие закона обнищания, ибо теперь экономической жизнью нации руководит государство, а не капитал.

Таковы наиболее характерные воззрения апологетов современного капитализма на буржуазное государство.

Многочисленны фальшивые трактовки сущности капиталистических монополий.

Многие современные буржуазные экономисты, замалчивая сущность монополий, изображают современный капитализм как систему свободного предпринимательства, неограниченной конкуренции. Монополия, по их мнению, не меняет общего лица экономики, не играет значительной роли в обществе. Утверждается также, что США и другие капиталистические страны вступили в период, когда монополистический капитал избавляется от большинства своих пороков и уже не обладает прежним экономическим могуществом и политическим контролем. Сторонники отрицания роли и значения капиталистических монополий и финансовой олигархии, олицетворяющей монополистический капитал, зачастую опираются на демагогическую теорию «народного капитализма» и «демократизации капитала». Так, Э. Дэйс¹ пытается доказать, что финансовая олигархия Уолл-стрита представляет собой лишь верных исполнителей воли народа, что «США становятся страной мелких капиталистов». Но ведь даже откровенный защитник капиталистического строя профессор Д. Голбрейс, на книги которого любят ссылаться многие буржуазные авторы, признает, что после второй мировой войны в США 113 промышленным корпорациям принадлежало 46 процентов производственных помещений, оборудования и механизмов в обрабатывающей промышленности.

Однако, чувствуя несовместимость своих слов с фактами, Дэйс приводит слова миллиардера Карнеги о том, что «богатые являются лишь сторожами богатства, используемого на общественные нужды». Президент корпорации «Инлэнд стил корпорейшн» Кларенс Рэндолл² пытается уверить, что современный американский капитализм построен на принципах свободного предпринимательства, в противовес европейскому капитализму, где господствует монополия. Профессор Мичиганского университета Кеннет Баулдинг в книге «Организационная революция. Исследование в области этики экономических

¹ Dies E. Behind the Wall street curtain, Washington, 1952.

² Clarence B. Randall A. Creed for free enterprise, Boston, 1952.

организаций», изданной в Нью-Йорке в 1953 году, утверждает, что предпринимательские союзы, в том числе и Национальная ассоциация промышленников, не играют большой роли в экономике и в политической жизни американского общества. Предпринимательские организации в изображении автора — это скорее защищающаяся (обороняющаяся) сторона, нежели нападающая (господствующая), в противоположность рабочему и фермерскому движению, представляющему собой наступающую сторону.

Преуменьшая или игнорируя роль капиталистических монополий в жизни страны, буржуазные социологи и экономисты пытаются провозгласить новый этап развития капитализма, без классовых противоречий, без социальных антагонизмов. Именуя современный государственно-монополистический капитализм «народным капитализмом», «обществом изобилия», эти теоретики возвещают, что наступает мир в промышленности, что рабочие должны освободить себя от ложного представления, будто их экономические интересы противоречат интересам предпринимателей, что в действительности эти интересы совпадают. Отсюда мораль: рабочие и предприниматели не должны стараться что-то урвать друг у друга. Баулдинг считает, что рабочие и предприниматели тесно связаны друг с другом узами «экономического брака». А поскольку предприниматель и рабочий нуждаются друг в друге, постольку на смену их вражде, являющейся плодом неправильно понятых экономических интересов, должно прийти сотрудничество. Если предприниматели и их представители приглашают рабочих на «пир любви», то реформистские лидеры и бюрократы в профсоюзном движении призывают предпринимателей объединиться с рабочими и тем самым возвестить эру сотрудничества между рабочими и администрацией. Известный профсоюзный деятель США Мини, выступая перед представителями делового мира, членами Национальной ассоциации промышленников, заявил: «В конечном счете, между тем, за что борюсь я и за что борются руководители Национальной ассоциации промышленников, нет большой разницы».

Расхваливая капиталистическую систему, утверждая, что в США будто бы ведется борьба с монополиями, постоянный представитель США при ООН Г. Лодж во время визита товарища Н. С. Хрущева в Америку, заявил, что экономическую формацию в США можно скорее охарактеризовать как «экономический гуманизм», а не как монополистический капитализм.

Но какие бы заявления об исчезновении классовой борьбы не делались апологетами «народного капитализма», ее невозможно сбросить со счетов. Разговоры о гармонии труда и капитала опровергаются самой жизнью. Достаточно отметить, что в США в 1958 году было 5025 забастовок. Выражением классовой борьбы является борьба предпринимателей против

профсоюзов¹. Усиление стачечной борьбы рабочего класса против монополий (например, грандиозная забастовка сталеплавильщиков в 1959 году в США) сводит на нет социальную демагогию сторонников «народного» капитализма. «Попробуйте сказать рабочему автомобильного завода или шахтеру, — пишет финансовый обозреватель газеты «Филадельфия бюллетен» Дж. Ливингстон, — что он «народный капиталист». Он поднимет вас на смех. Но именно эту чепуху преподносят американцам специалисты по рекламе с Медисон-авеню. Именно эту чепуху Америка пытается пропагандировать за границей. Любой французский, английский, бельгийский или итальянский экономист, изучающий структуру корпоративной собственности в Америке, знает, что это неправда»².

Ряд буржуазных ученых признает существование монополий, но, выдвигая двусмысленные определения монополий и монополистического контроля, оперируют хитроумно подобранными статистическими данными для доказательства упадка монополий в последнее время. К таким авторам относятся профессор Г. Штиглер («Пять лекций по экономическим проблемам»), профессор Уэльского университета Д. Наттер («Степень монополизации предприятий в США, 1899—1939 гг.»), профессор М. Адельман и другие³. Статистические данные, подбираемые этими теоретиками, говорят в лучшем случае об отсутствии прямого монополистического контроля в ряде отраслей производства. Однако хорошо известно, что прямой контроль — это далеко не единственный способ занятия господствующего положения в отраслях хозяйства, косвенный же контроль не измеряется статистически.

Другая группа буржуазных экономистов, признавая существование монополий и их значительное влияние на жизнь страны, пытается убедить общественное мнение в том, что монополии, если их назвать другим именем, становятся полезными для народа, так как их «разумный эгоизм» играет положительную роль и необходим для экономического развития страны.

Эти экономисты понимают, что господство монополий — факт, который невозможно отрицать. Однако подобные теоретики стремятся определить понятие монополии таким обра-

---

¹ В 1959 году в США был принят закон «О трудовых отношениях», который, по мнению некоторых представителей профсоюзов, «во сто раз хуже» антирабочего закона Тафта — Хартли, действующего с 1947 года. По новому закону правительство установило строгий контроль за деятельностью профсоюзов с неограниченным правом в любое время вмешиваться в их внутренние дела. Закон дает предпринимателям новые возможности для того, чтобы срывать забастовки, не допускать роста численности профсоюзов и т. д.

² Livingston J. The american stockholder, Philadelphia, Lippincott, 1958, p. 181.

³ «Апологины монополий», Изд-во иностранной литературы. 1955.

зом, чтобы обойти вопрос о действительной сущности монополистического капитала.

Известный английский экономист Джоан Робинсон так определяла капиталистические монополии: «Каждый отдельный производитель обладает монополией на производимую им самим продукцию — это достаточно очевидно, — и если многие из них продают свою продукцию на современном рынке, существует положение дел, которое мы обычно описываем как состояние современной конкуренции. Нужно только взять слово «монополия» в его буквальном смысле — «единственный продавец», и анализ монополии немедленно включит в себя анализ конкуренции».

Это определение монополии совершенно игнорирует господство немногих крупнейших компаний, так как, согласно утверждениям Робинсон, любая фирма даже «лилипутского калибра» является монополией, ибо она обладает монополией на произведенную ею продукцию. Здесь автор вместо слова «собственность» поставила слово «монополия» и таким способом «решила» проблему. При таком подходе не делается никакого различия между «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» и мелким бакалейным торговцем.

Американский буржуазный экономист Эдвард Чемберлин, так же как и Робинсон, дает настолько широкое определение монополии, что ею становится также любая мелкая лавка. Чемберлин заявляет, что размер предприятия не имеет никакого значения, а основой монополии является так называемая «дифференциация продукта», ибо каждый предприниматель, создавая особый, свой вид продукта, является монополистом. Фирма обладает монополией на производимый ею продукт в той степени, в которой он отличается от аналогичных продуктов других производителей. Это различие может основываться на своеобразии патента, названия предприятия, особенностей упаковки, качества товара, цвета, стиля, формы, узора и т. д. Давая такое понятие монополии, Чемберлин приходит к абсурдному выводу, что чем больше монополия распределяется среди индивидуумов, тем сильнее совокупная монополистическая мощь.

Профессор Д. М. Кларк из Колумбийского университета, профессор Е. С. Мэзон из Гарвардского университета, профессор Д. Маркхам из Вандерbiltовского университета и другие утверждают, что для обеспечения наиболее благоприятных условий производства в какой-то степени необходима монополия.

Эти ученые выдвинули, во-первых, тезис об «эффективной конкуренции», которая оправдывает существующее положение вещей тем, что «олигополия» (так они называют господство монополий) не мешает эффективной конкуренции. Теоретики «эффективной конкуренции» вопреки известным фактам ут-

верждают, что влияние монополий ликвидируется с появлением продуктов-заменителей, сметающих укрепленные позиции монополий. Вторым тезисом защитников «эффективной конкуренции» является тезис о «привлечении потенциальной конкуренции». Монополист якобы будет избегать политики чрезмерно высоких прибылей, так как он опасается, что это обстоятельство привлечет в отрасль новых конкурентов. Упомянутые теоретики игнорируют тот факт, что та же сила, которая позволяет монополиям извлекать сверхприбыли, дает им возможность преграждать дорогу свободному переливу капиталов в отрасль, занятую монополией. Не случайно в США говорят, что «независимому аутсайдеру труднее проникнуть в эту отрасль, чем верблюду пройти через игольное ушко». Третьим их доводом является версия, согласно которой установление цен монополиями необходимо для предотвращения хаоса в периоды экономических кризисов, что якобы политика цен, проводимая монополиями, совпадает с интересами общества. При этом игнорируется тот факт, что монополистическая политика цен не спасает от кризисов, а перекладывает всю тяжесть бремени на плечи рабочих, фермеров и мелких предпринимателей.

Профессор Д. Голбрейс и ряд других американских исследователей выдвинули тезис об «уравновешивающих силах». Существо этого тезиса в том, что якобы «...появились новые ограничения могущества частных лиц, которые должны заменить конкуренцию. Они были порождены тем же процессом концентрации, который ограничил или уничтожил конкуренцию. Но они появились не на той же, а на противоположной стороне рынка, не на стороне конкурентов, а на стороне покупателей или поставщиков»¹. Под уравновешивающей властью монополий силой Голбрейс имеет в виду профессиональные союзы, которые договариваются о получении рабочими их доли в прибылях. Одной из уравновешивающих сил Голбрейс считает крупные фирмы в области торговли, которые могут успешно защитить свои интересы, отказываясь принимать товары плохого качества или платить высокие цены. Отсюда делается вывод, что монополистический капитализм сам создает себе противоядие.

Голбрейс и ему подобные забывают, что переговоры между рабочими и капиталистами (через профсоюз или без него) ведутся не из-за дележа прибыли, а скорее являются проявлением классовой борьбы пролетариата за лучшие условия работы, за снижение степени эксплуатации и т. д. Голбрейс не учитывает, что монополии в области сбыта не создают противовеса промышленным монополиям, а служат средством увеличения прибыли за счет потребителя.

---

¹ «Апологеты монополий», стр. 58.

направленных против монополий, следует подходить весьма осторожно, так как многие из этих мероприятий могут оказать пагубное влияние на хозяйство страны. Эти взгляды типичны для мелкой буржуазии, ищущей спасения от гнета монополий и уповающей на спасителя — государство, но одновременно являющейся противником крутых мер, могущих поколебать капиталистический уклад хозяйства.

Несколько с других позиций критикуют монополии американцы Д. Стокинг и М. Уоткинс. Они ратуют за возврат назад, к системе свободного предпринимательства, так как, по их мнению, монополии прокладывают путь «коллективистскому» или «тоталитарному» режиму. Если образование промышленных монополий неизбежно, говорят они, то рано или поздно народ настоит на том, чтобы правительство контролировало их или управляло ими. Любопытны приводимые авторами факты, показывающие задержку технического прогресса крупными концернами.

Интересны признания мощи американских монополий в устах крупного представителя делового мира США Теодора Куинна, генерального директора Бюро военного производства во время второй мировой войны и вице-президента «Дженерал электрик». В книге «Гигантский бизнес — угроза демократии»¹ он заявляет, что в США, по существу, почти нет свободной конкуренции, что ее заменила монополия как в области сбыта, так и в области приобретения сырья. Несколько корпораций-гигантов целиком контролируют и могут в любой момент разорить и поглотить мелкие фирмы. По словам автора, каждое десятилетие «исчезает» до 75—80 процентов всех фирм, а те мелкие предприятия, которые сохраняются, существуют лишь «при молчаливом согласии» крупных монополий. Всеми делами в корпорациях, отмечает Куинн, вершат лишь несколько человек, акционеры же не играют существенной роли, а различные собрания держателей акций представляют собой сплошной фарс. Монополии, заявляет также автор, искусственно тормозят технический прогресс и являются причиной экономических кризисов. Все эти разоблачения особенно ценны, так как их автор хорошо знаком с механизмом «большого бизнеса».

Но Куинн приводит свои разоблачения для того, чтобы предостеречь американскую буржуазную систему от краха. Его пугает призрак социализма. Если эти чудовищные корпорации не контролировать и не ограничивать, пишет он, «нас ждет социализм» (стр. 11). «Никогда в американской истории, — пишет Куинн, — не было такой концентрации капитала в руках немногих, как теперь» (стр. 271—272). «Когда

---

¹ Quinn T. Giant business: threat to democracy the autobiography of an Insider, New York, Exposition press, 1953.

Вообще представители всей этой группы экономистов явно или скрыто, но проповедуют избитый тезис о том, что будто и монополии, и их прибыль служат народу, интересам всеобщего благополучия. Чем выше прибыль, тем лучше положение рабочего класса, заявляют они; что выгодно корпорации, то выгодно и народу.

Ряд современных теоретиков, развивая учение об уравнивающих силах, доказывает, что ныне в капиталистических странах, в частности в США, существует монополия профсоюзов на рынке рабочей силы и это приводит якобы к вредным последствиям для общества. Д. Ричберг, например, призывает не только запретить «профсоюзный цех», но и распространить на профсоюзы антитрестовское законодательство, запретить стачки и отраслевые коллективные договоры, так как, по его словам, создалась угроза образования в США «социалистического рабочего правительства».

Профессор политической экономии Гронингского университета в Голландии Пен понятие монополии сводит исключительно к отношениям продавца и покупателя. Всячески скрывая реакционную сущность монополий при капитализме, автор объявляет монополистами профсоюзы, ибо они оказывают влияние на индивидуальные трудовые соглашения, определяя минимум заработной платы¹.

Определенная группа буржуазных теоретиков, признавая отрицательную роль монополий, пытается дать рекомендации, как ограничить вредную деятельность монополистических объединений.

Доктор политических наук Базельского университета Р. Фишер считает, что стихийные экономические силы, действующие на капиталистическом рынке, при условиях свободной конкуренции сами собой стремятся к установлению полного равновесия между спросом на товары и их предложением. «Чем совершеннее, чем более автоматически действует конкуренция, тем более действенны эти силы рынка»². Однако на пути этих сил стоят крупные капиталистические монополии, которые в состоянии проводить произвольную политику цен и нарушать естественное равновесие рынка. Поэтому задачей государственных органов, по его мнению, является установление соответствующего правопорядка и проведение финансовой и экономической политики, устраняющих вредное воздействие монополий на экономическую жизнь и способствующих свободному развитию конкуренции. Фишер, называя свои взгляды «неолиберализмом», считает также, что к проведению мероприятий,

---

¹ Pen J. The wage rate under collective Bargaining, Cambridge, Harvard university Press, 1959, p. 25.

² R. Fischer, Die Wirtschaftspolitik des dritten Weges, Basel, 1952, S. 17.

тонны картофеля и бесчисленное количество рогатого скота и свиней должны уничтожаться для того, чтобы поддержать рыночные цены, в то время как нуждающиеся в этих продуктах люди должны обходиться без них, то сама неестественность этого явления выглядит как убедительный приговор всей нашей системе» (стр. 290).

Для того чтобы «предотвратить самоуничтожение» американского капитализма, Куинн считает необходимым провозгласить в области экономики нечто вроде билля о правах, который бы ограничил концентрацию и «содействовал бы экономическому индивидуализму». Он предлагает активизировать антитрестовскую деятельность, ограничить размеры корпораций, законодательным путем децентрализовать финансовый контроль, создать благоприятную атмосферу для появления нового, небольшого бизнеса, «потребовать от корпораций-гигантов, насколько это возможно, не выходить из общей шеренги предпринимателей и не разрешать никому из них становиться угрожающе огромными».

Таковы утопические предложения Куинна, уповающего на закон, на государство как на действенное средство от несчастья концентрации и централизации капитала.

Имеется немалая группа теоретиков эклектического направления, которые, с одной стороны, признают мощь и вредное воздействие монополий на общество, с другой стороны, считают, что капиталистические монополии нужны, ибо они обеспечивают высокую рентабельность производства, высокий уровень продукции и низкую себестоимость изделий. Вместе с тем, они увещевают монополии «приобрести совесть».

Данные теории, безусловно, не охватывают всех их разновидностей, но и они дают представление о том, как далеки буржуазные ученые от истинного понимания сущности капиталистических монополий.

Как видно, большинство буржуазных экономистов не понимает или не признает в эпоху империализма господствующего положения капиталистических монополий, подавляющих свободную конкуренцию и на этой основе присваивающих монопольные сверхприбыли путем беспощадной эксплуатации трудящихся своей страны, зависимых и колониальных стран, путем перераспределения в свою пользу части прибавочной стоимости, извлекаемой мелким и средним капиталом, и т. д.

Неправильное освещение действительной роли монополий в экономической и политической жизни стран влечет за собой игнорирование факта все большего подчинения государственного аппарата монополиям и все большего использования государства в интересах магнатов капитала, что составляет сущность государственно-монополистического капитализма.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Подавляющее большинство буржуазных экономистов проповедует необходимость государственного вмешательства в экономику капиталистических стран.

Эти взгляды объективно отвечают интересам монополистической буржуазии, так как они провозглашают, что капитализм еще можно спасти и даже укрепить путем предоставления государству широких полномочий в регулировании национального хозяйства и частного предпринимательства. Эти взгляды хотя и искаженно, но все же отражают процесс развития государственно-монополистического капитализма в современных капиталистических странах.

Наиболее ярким представителем подобных взглядов является английский экономист Джон Меинард Кейнс, — основоположник кейнсианства. Теория Кейнса включает в себя все обычные доводы в пользу капитализма, распространяемые большинством буржуазных экономистов и политиков, а именно: капитализм не исчерпал всех своих возможностей, можно избежать кризисов и безработицы, противоречия капитализма реально устранимы, экономические функции буржуазного государства расширяются в интересах всех и т. д.

В буржуазном государстве Кейнс видит силу, способную избавить капиталистическую экономику от ее слабостей. Кейнс внушает буржуазии, что капитализм может быть спасен от неминуемого краха путем правительственного вмешательства в промышленность (стимулирование промышленности через манипуляцию налогами, кредитами и процентными ставками и в особенности широкими государственными расходами). Главное у Кейнса — необходимость правительственного вмешательства для регулирования и стабилизации капиталистической экономики, для смягчения и устранения экономических кризисов, а в конечном счете для преодоления всеобщего кризиса капитализма.

Кейнсианство представляет собой идеологическое оружие империализма. Оно вдохновляет политику всех капиталистических держав и применяется на практике. Ряд реакционных профсоюзных деятелей (включая объединенное руководство АФТ — КПП) поклоняется Кейнсу как богу современной буржуазной экономической мысли.

Кейнсианство является не просто обычной вульгарной теорией, а представляет собой серьезную опасность для международного рабочего движения.

Английские лейбористские теоретики считают кейнсианство новейшим теоретическим достижением, противостоящим марксистской политической экономии.

Основная суть теории Кейнса состоит в вопросе дефицит-

ного финансирования. Игнорируя основное противоречие капитализма и вытекающий из него разрыв между тем, что рабочие производят, и тем, что они способны купить, Кейнс предлагал на некоторое время создать вместо реального искусственный рынок для промышленной и сельскохозяйственной продукции. Кейнса в данном случае не интересует потребительский спрос населения как таковой. Он ищет средство компенсировать недостаток спроса чем-либо другим, нежели увеличением реальной заработной платы, а именно — увеличением инвестиций, стимулированием роста государственных вложений в промышленность, то есть искусственным созданием спроса на средства производства. Три «независимых переменных»: 1) склонность к потреблению или потребительский спрос (максимальный), 2) предельная эффективность капитала (максимальная норма прибыли), 3) уровень процента (Кейнс ратует за минимальный ссудный процент, ибо, по его мнению, такой процент стимулирует вложения непосредственно в промышленность) — определяют, по Кейнсу, «зависимые переменные», т. е. занятость и национальный доход. Путем экономического государственного регулирования, рассуждает Кейнс, можно достигнуть такого сочетания этих трех переменных факторов, которое обеспечит «полную занятость».

Теоретически идеи Кейнса несостоятельны. Максимальная норма прибыли достигается главным образом путем увеличения степени эксплуатации рабочего класса. Это отнюдь не способствует увеличению покупательной способности населения. Монопольно высокие цены на продаваемые монополиями товары и монопольно низкие цены на покупаемое крупным капиталом сырье у мелких и средних производителей служат важнейшим источником монопольных прибылей, что отнюдь не повышает покупательного спроса широких масс трудящихся. Известно также, что норма процента находится в тесной связи с нормой прибыли. Поэтому сочетание максимальной нормы прибыли и минимальной ставки процента противоречит объективным закономерностям развития капиталистической экономики.

Важное значение Кейнс придавал программе возмещения недостатка потребительского спроса ростом инвестиций. В его концепции явно виден отрыв производства от потребления. Предложение развивать производство с помощью государственных вложений не сочетается с соответственным ростом потребления. Это неминуемо ведет, в конечном счете, к экономическому кризису перепроизводства.

Кейнс полагал, что буржуазное государство в состоянии регулировать (устанавливать) норму процента на низком уровне и тем самым воздействовать на производство. Это его явное заблуждение основано на неправильном представлении

о том, что сфера кредита играет решающую роль в экономике. Не норма прибыли зависит от нормы процента, а наоборот. Понижение нормы процента — стихийный, объективный процесс, происходящий независимо от воли государства.

Наконец, Кейнс предлагал «регулировать» реальную заработную плату рабочих и доходы крестьян политикой инфляции. «Рабочие, — писал Кейнс, — обычно противятся сокращению денежной заработной платы, но они не прекращают работы всякий раз, как поднимаются цены товаров рабочего потребления»¹.

Основную опасность представляют не теоретические формулы Кейнса, а их практическое применение и истолкование. Кейнс видел в военной экономике идеальное применение своих теорий. Кейнс учитывал, что государственные заказы частным корпорациям для производства оружия не связаны ни с какими проблемами сбыта. Происходит лишь увеличение государственного долга. Кроме того, производство вооружений является для капиталистов основным средством получения колоссальных прибылей. Разумеется, это также входит в расчеты Кейнса.

Особенно широко идеи Кейнса пропагандируются в США. Основным теоретиком кейнсианства в США является профессор Гарвардского университета Элвин Хансен. Он верен основным постулатам своего английского учителя: возможность предотвратить экономические кризисы, способность буржуазного государства планировать экономику при сохранении частной собственности и т. д.

Хансен придерживается концепции «смешанной экономики», к которой якобы идет капитализм. Он пишет, что американская экономика превратилась в «смешанную государственно-частную экономику, в которой мощные операции бдительного и осведомленного правительства играют стабилизирующую и поддерживающую роль»².

Если Кейнс главной экономической задачей государства считал регулирование кредита и контроль над частными капиталовложениями, то Хансен перенес центр тяжести на собственно государственные расходы. Заметим, что американское кейнсианство вообще усиливает в теории Кейнса роль и значение государственных инвестиций, что находит практическое подтверждение в деятельности правительства США.

В одной из последних работ³ Хансен изложил в более систематизированном виде свою теорию экономического цикла. Автор предлагает ряд методов «антикризисного регу-

¹ Дж. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 7. Изд-во иностранной литературы. 1949.

² A. Hansen The american economy, New York, 1957, p. 34.

³ Э. Хансен. Экономические циклы и национальный доход. Изд-во иностранной литературы. Москва. 1959.

лирования». К первому методу Хансен относит взимание налогов и выплаты по социальному страхованию, пособия и т. д., действие которых будто бы автоматически регулирует эффективный спрос. Однако, как мы знаем, основная сумма налогов взимается с трудящихся, понижая и без того низкий платежеспособный спрос. Не могут смягчить кризис изымаемые из заработной платы рабочих суммы на социальное обеспечение и, разумеется, пособия по безработице не в состоянии компенсировать потребительского спроса. Учитывая несостоятельность первого метода, Хансен предлагает создать «автоматический бюджетный механизм» для обеспечения бюджетного излишка в годы подъема и бюджетного дефицита в годы депрессий. Но, во-первых, балансирование бюджета в период подъема не исключает разрыва между уровнем производства и платежеспособным спросом населения, во-вторых, бюджетный дефицит в период депрессии неизбежно приведет к росту налогов и инфляции, что еще больше сократит платежеспособный спрос.

Антикризисные мероприятия, предлагаемые Хансеном и другими буржуазными экономистами и применяемые в жизни в капиталистических странах, не в состоянии отменить цикличности развития капитализма. Хансен считает, что буржуазное государство должно за счет народных средств финансировать монополии, осуществлять попытку «стимулирования» частного предпринимательства и создавать промышленные предприятия, управление которыми или их аренду передать крупным компаниям. Государственные средства, по мнению Хансена, можно постоянно накапливать, увеличивая государственный долг, который не есть реальный долг потому, что его можно не возвращать. И это сказано в то время, когда рост военных расходов тяжелым бременем ложится на плечи трудящихся, когда налоговый гнет становится невыносимым. Под покровом идей Кейнеса—Хансена огромные военные расходы правительства США изображаются как необходимые для процветания страны. Широко распространяется версия о том, что производство вооружений предпринимается ради обеспечения работой пролетариата.

Наиболее типичными практическими мероприятиями в США являются проводимое в соответствии со взглядами Кейнеса — Хансена дефицитное финансирование за счет правительственных займов и налогов не только в федеральном масштабе, но и в масштабе штатов и муниципалитетов, «финансирование покупателя», т. е. широкая система покупок в рассрочку, предоставление банковского кредита предпринимателям, огромный рост ипотечных долгов, массовое субсидирование внешней торговли путем предоставления займов и «помощи» всех видов другим странам. В результате этой программы Соединенные Штаты Америки за последние годы накопили

баснословный долг, главным образом внутренний. Государственный долг США все время растет. К концу 1958/59 бюджетного года он составил около 285 млрд. долларов. За два последних финансовых года государственный долг увеличился на 14,5 млрд. долларов и достиг наивысшего уровня за всю историю государственного кредита США. Президент США в июне 1959 года направил конгрессу специальное послание, в котором просил увеличить постоянный предел государственно-го долга США с 283 млрд. долларов до 288 млрд. долларов и повысить временный предел государственного долга с 288 млрд. долларов до 295 млрд. долларов, чтобы «значительно улучшить возможность для правительства регулировать свои долги».

Однако массовое дефицитное финансирование может лишь отсрочить наступление экономического кризиса, загнав глубже источник болезни. «Современная практика занимать у Петра, чтобы заплатить Павлу, — отмечал У. Фостер, — ведет страну в конечном счете к серьезному промышленному и финансовому краху, который будет результатом перепроизводства и массовых банкротств, несмотря на так называемые «предохранительные меры», защищающие от экономического кризиса». Наглядным тому подтверждением явился последний экономический кризис в США (1957—1958 гг.). Правительство США, проводя кейнсианскую программу, ныне в один год расходует столько, сколько правительство Рузвельта тратило за десять лет. Так, расходы федерального правительства во втором квартале 1958 года составляли 78,4 млрд. долларов, а в четвертом квартале 1958 года достигли 80 млрд. долларов. Это говорит о том, что доктрина Кейнса — Хансена в США возведена в ранг государственной политики больших масштабов.

Современное кейнсианство имеет два варианта в зависимости от того значения, которое последователи Кейнса придают роли государства в стимулировании экономики.

Первый вариант — «истинное кейнсианство». Оно поддерживается монополистическим капиталом. Сущность его выражена в теории «просачивания по каплям» или в принципе: «что хорошо для корпораций, то хорошо и для страны». Как лицемерно заявляют защитники рассматриваемой теории, процветание капиталистов обязательно «просочится» и в народные массы.

Второй вариант — кейнсианство в социал-демократической интерпретации. Правые социал-демократы придают решающее значение повышению покупательной способности масс путем повышения заработной платы, расширения системы социального страхования, сокращения продолжительности рабочего дня при сохранении основ капиталистического

строя. Этот вариант поддерживают английские лейбористы, руководство американских профсоюзов и т. д.

Идеи Кейнса пытается совместить с правосоциалистическими теориями профессор Мичиганского университета Кеннет Баулдинг. Касаясь эволюции экономической роли государства при капитализме, он пишет, что в XVIII—XIX веках государство было «...орудием укрепления могущества небольшой группы, контролирующей его». Пролетариат же рассматривался как инструмент для производства товаров. Теперь другое дело. С ростом «демократических институтов» создано, по словам Баулдинга, «государство всеобщего благоденствия, которое существует, чтобы содействовать общему благосостоянию всех его членов»¹. Баулдинг придает большое значение влиянию правительства на величину валового продукта. Правительственные закупки должны, по его мнению, поддерживать равновесие, увеличиваясь в период депрессии и уменьшаясь во время процветания (стр. 171). Как видно, автор — сторонник Кейнса, а его платформа — попытка теоретического обоснования возможности ликвидации противоречий капитализма путем изменений в экономической политике.

Американские экономисты К. Баулдинг, Д. Фуллер, как и многие другие кейнсианцы, *объясняют вмешательство государства в экономику исключительно возможностью таким путем ликвидировать или ослабить периодические кризисы перепроизводства*. Таких же взглядов придерживаются Пьер Мендес-Франс и Габриель Ардан во Франции, которые в книге «Экономическая наука и деятельность», вышедшей в 1954 году в Париже, утверждают, что причину «интервенции» (так они называют вмешательство государства в хозяйственную жизнь общества) нужно искать в способности государства противостоять экономическим кризисам. Государство, по их мнению, должно взять на себя функцию обеспечения равновесия в «дирижуемой» им экономике.

Швейцарский буржуазный экономист Ганс Граф в книге «Конец экономических кризисов?»² пытается доказать, что в современных капиталистических странах создались условия, позволяющие избежать экономических кризисов. По его представлению, это может быть достигнуто путем воздействия на производство посредством денег. Автор исходит из номиналистической теории денег, согласно которой бумажные деньги не представители золота, а только знаки, которым государство придает произвольную стоимость. Граф предлагает создать добавочную покупательную способность населения путем выпуска государством дополнительных бумажных знаков. Это якобы предотвратит кризисы. Граф выступает против инфля-

¹ Boulding K. Principles of economic policy, New York, 1958, p. 11.

² Graf H. Das Ende der Wirtschaftskrisen? Münsingen Fischer, 1953.

ции, но нетрудно заметить, что предлагаемые им меры прямо ведут к обесценению денег. В государстве он видит одно из могущественных орудий борьбы с кризисами перепроизводства.

Наряду с теорией Кейнса — Хансена, распространенной во всех капиталистических странах, имеется так называемая *неоклассическая школа*, выступающая против Кейнса.

Один из видных представителей этой школы профессор Л. А. Ган является автором теории «здорового смысла». Резко раскритиковав Кейнса и его последователей в книге «Экономика иллюзий», в другой книге — «Политическая экономия и здравый смысл», опубликованной в 1957 году в Париже, Ган изложил в виде своеобразного катехизиса позитивную сторону своей теории. Его взгляды не идут дальше банальных рассуждений вульгарных экономистов прошлого. Любопытна лишь его точка зрения о влиянии государственной власти на экономические отношения. Идею государственного вмешательства с целью предотвращения кризисов, которую рекомендуют кейнсианцы, Ган считает нереальной. «Было бы наивным думать, — пишет он, — что любой бум, рано или поздно приговоренный к смерти, можно до бесконечности поддерживать государственными затратами, если, конечно, они не достигнут таких пропорций, что преобразуют свободную экономику (имеется в виду капиталистическая экономика. — Б. Д.) в экономику социалистическую». Не отрицая возможности частичного воздействия государства на конъюнктуру, Ган вместе с тем считает, что ослабить конъюнктурные колебания можно лишь одним способом — понять и внушить массам основные тенденции движения цикла: именно тогда якобы можно будет предотвратить кризис.

Неоклассическая школа пытается идеалистическими методами критиковать кейнсианство. Но если ее отдельные критические замечания кажутся правдоподобными, то позитивное решение поражает своей беспомощностью. Именно поэтому неоклассическая школа не получила сколько-нибудь значительного распространения в современной буржуазной политической экономии.

Весьма примечательна демагогическая концепция, *объясняющая и оправдывающая вмешательство государства в экономику мотивами обуздания монополий в интересах мелких предпринимателей и свободной конкуренции.*

Профессор-экономист Вашингтонского университета Вернан Мэнд выступает за активную роль государства в экономической жизни в целях поддержания свободной конкуренции и ограничения вредной деятельности крупных монополий¹. Ограничить вредную деятельность монополий, по словам Мэнда, можно только путем установления над ними правительственного контроля. В книге «Открытые рынки» Мэнд, не оспаривая

¹ Mund V, Government and business, New York, 1950,

и не отрицая того, что капиталистическая экономика зашла в тупик, видит основную причину этого в уничтожении свободных рынков и свободной конкуренции и в неограниченной власти монополий. Мэнд ратует за возвращение к свободе предпринимательства и свободным рынкам, за установление публичности заключения сделок. Ему вторит редактор влиятельной газеты «Крисчен сайенс монитор» Ирвин Кэнэм, который утверждает, что мощь крупного капитала «уравновешивается» такими факторами, как деятельность государства и «контроль» со стороны профсоюзов и потребителей. Законодательство, отмечает он в книге «Новые горизонты свободы», вышедшей в 1954 году в Нью-Йорке, препятствует превращению корпораций в тресты и другие монопольные объединения. Автор считает возможным говорить о том, что антитрестовское законодательство в США слишком жестко, и призывает соответствующим образом пересмотреть его.

Переходя к критическому рассмотрению взглядов Мэнда и Кэнэма, отметим, что их прежде всего роднит упование на государство, как инструмент, способный изменить экономические законы капитализма. Субъективизм этих, как и многих других буржуазных авторов состоит в том, что они в той или иной форме восхваляют принятые в США и других странах так называемые антитрестовские законы, изображая их как действенный способ обуздания монополий, как политическую и юридическую гарантию того, что государство является руководящей силой в капиталистическом обществе, а монополии вынуждены ему подчиняться и с ним считаться. Сторонники эффективного действия антитрестовских законов отрицают объективность экономических законов (в частности, экономического закона движения современного капитализма — концентрации производства и образования монополий), не понимают или не хотят понять, что коль скоро юридический закон направлен против течения экономической жизни, он превращается в пустую бумажку.

Антитрестовские законы фактически играют на руку тем самым монополиям, которых они должны преследовать. Закон Шермана, принятый в США в 1890 году, предусматривает максимальный штраф в 5 тыс. долларов за каждое нарушение его положений. Но для монополий, ворочающих миллиардами, — это комариный укус. Компания «Дженерал моторс корпорейшн» уплатила в течение пятнадцати лет штрафы по пяти различным искам на общую сумму 11 тыс. долларов, а компания Дюпона была оштрафована на общую сумму в 42 тыс. долларов. Если учесть, что общая ежегодная сумма прибылей «Дженерал моторс» в последние годы, после вычета налогов, превышает 1 млрд. долларов, то нетрудно представить, что значит для такой компании предельный штраф в 5 тыс. долларов.

Антитрестовские законы формально предусматривают также роспуск корпораций по приказу судьи федерального суда, когда они признаны виновными в применении монополистических методов с целью ограничения торговли. Но история действия антитрестовских законов показала их исключительную неэффективность как в области наказания, так и в области сдерживания монополий. В последнее время суды США вообще избегают издавать приказы о роспуске монополий.

Во многих случаях судебные процессы против американских монополий тянутся долгие годы, а затем министерство юстиции США под различными предлогами отказывается от предъявленных монополиям обвинений. Нашумевший судебный процесс, который проходил в течение нескольких лет в Чикаго над промышленным гигантом семьи «Дюпон де Немур», так же как и другие аналогичные процессы, не дал никаких существенных результатов и был прекращен.

Фактически антитрестовские законы США не ограничивают экономического господства монополий. Они служат камуфляжем, предназначенным скрыть подлинную связь между государством и монополиями, в интересах которых действует государство.

Принятый бундестагом ФРГ закон против картелей, вступивший в силу с 1 января 1958 года, на деле служит их возрождению. Так называемая картельная администрация, ответственная за проведение закона, по существу действует не по принципу запрещения, а по принципу допуска картелей. В адрес представителей монополий лишь говорится, что они не должны допускать «несправедливых» действий в области экономики. О какой «несправедливости» может идти речь, если справедливым считаются монопольные соглашения о ценах, а министр хозяйства ФРГ наделяется полномочиями, дающими ему право единолично допускать образование картелей, причем решения администрации и министра хозяйства, неугодные монополистам, могут быть обжалованы по суду, а в период судебного разбирательства, которое может длиться годами, решение не вступает в силу.

Эти примеры еще раз подтверждают, что буржуазное государство, формально борясь против монополий, оставляет за собой неограниченные возможности маневрирования, позволяющие обходить все постановления о запрещении и ограничении монополистических тенденций.

Американские экономисты, принадлежащие к так называемой *институционалистической школе*, предлагают проекты либерального регулирования и планирования капиталистического хозяйства, согласно которым государственное вмешательство в хозяйственную жизнь необходимо, но оно не должно серьезно затрагивать интересы частных предпринимателей.

Небезызвестный американский сенатор Роберт Тафт в ста-

ть «Какую степень государственного вмешательства может выдержать свободная предпринимательская деятельность?», опубликованной в журнале «Кольерс», рассматривая экономическую свободу как одну из сторон общей свободы, пишет, что США приблизились к границе, за которой либо расширение государственного вмешательства должно прекратиться, либо система свободной предпринимательской деятельности погибнет. «Если только экономическая свобода исчезнет, — заявляет Тафт, — государство получит возможность вмешиваться во все подробности жизни человека в такой степени, что ему останется мало личной свободы, и можно по меньшей мере усомниться, сумеем ли мы сохранить при этом настоящую свободу мысли». Необходимость равенства, заявляет Тафт, оправдывает некоторое регулирование трудовых отношений.

Но Тафт выступает против строгого государственного регулирования рабочего времени. В результате такого регулирования, по его мнению, слишком сильно ограничивается не только свобода предпринимателя, но и свобода тех рабочих, которые любят работу или хотят работать.

По Тафту, свободная предпринимательская деятельность не может существовать при государственном регулировании в форме контроля за выпуском продукции, за распределением сырья, установлением уровня цен и заработной платы, ибо такое чрезмерное регулирование не только связывает действия предпринимателей, но и отбивает у людей охоту начинать свободное дело. «Помимо регулирования свободную предпринимчивость может уничтожить конкуренция со стороны государства или даже одна угроза такой конкуренции. Никто не станет вкладывать своих денег в такую отрасль промышленности, в которую намерено вступить государство, потому что, как известно, правительство в состоянии выдержать конкуренцию, не считаясь с экономическими условиями».

Сенатор Тафт, выдвигая свои «либеральные» идеи, по сути дела желает добиться следующего:

во-первых, защитить конкуренцию, являющуюся основой основ капиталистической жизни. Не замечая в действительности крупнейших монополий, душащих своих конкурентов, Тафт лицемерно говорит о предпринимателях вообще, которых якобы стесняет чрезмерное вмешательство государственной власти. Боясь этого вмешательства, он прежде всего боится социализма, который, как он полагает, не замедлит появиться в случае жесткого контроля за частнокапиталистической деятельностью;

во-вторых, будучи соавтором пресловутого антирабочего закона Тафта — Хартли, Тафт пытается лозунгом свободы и равенства защитить капиталистов, а заодно и штрейкбрехеров. Становясь в позу защитника интересов рабочих, Тафт поощ-

ряет сверхэксплуатацию пролетариата, противясь законодательному регулированию рабочего дня.

Таково «либеральное» толкование сенатором Тафтом государственно-монополистического капитализма, являющееся типичным для целого ряда современных буржуазных экономистов, таких, как профессор Колумбийского университета Джон Кларк, профессор Уолтер Бакингом и других.

У. Бакингом, например, подчеркивает, что для капитализма характерно свободное предпринимательство, допускающее вмешательство государства в рыночные отношения лишь в самой ограниченной мере¹. Обосновывая крах теории невмешательства государства в экономику, автор высказывает мнение, что капиталисты стали более благоразумными, чувствуют ответственность за судьбы своего народа и поэтому дают возможность государству ограничивать свой производ в целях обеспечения «всеобщего благоденствия».

Сторонниками либерального, ограниченного вмешательства государства в экономическую жизнь можно считать и авторов нашумевшей книги «Капиталистический манифест» Л. Келсо и М. Адлера².

Авторы этой книги констатируют значительный рост вмешательства государства в экономику США.

Из относительно достоверного фактического материала авторы делают парадоксальный вывод, что в США, а также в Англии происходит «скрытая социалистическая революция», что тенденция к государственному капитализму есть социализм, который авторы с негодованием отвергают. В этом вопросе Келсо и Адлер далеко не первооткрыватели. Многие буржуазные авторы, как, например, Луи Фишер в книге «Таков наш мир», выпущенной в Нью-Йорке в 1956 году, договариваются до того, что объявляют социализмом... вмешательство государства в экономику страны. Келсо и Адлер считают современную экономику США смешанной, т. е. содержащей элементы социализма. Ратуя за преодоление смешанного характера экономики, за «очищение» капитализма, они пишут: «Полностью уяснив врожденную и неизлечимую слабость смешанного капитализма, мы поймем, что если мы хотим избежать окончательной победы социалистической революции и следующего за ней государственного капитализма (так авторы называют социализм. — Б. Д), то нам остается только один путь — капиталистическая контрреволюция» (стр. 136).

Авторы торопятся успокоить всех сторонников капитализма. «Никакой призрак не страшен нам, — высокомерно заявляют они, — пока мы находимся на попечении нашего ангела-хранителя — современной капиталистической экономики» (стр. 20).

¹ Buckinham W. The oretical economic systems, New York. 1958.

² Luis O. Kelso and Mortimer J. Adler, The capitalist manifesto, New York, 1958,

Откровенные защитники капиталистического строя, призывающие совершить «капиталистическую революцию», т. е. исправить и преодолеть ошибки и затруднения современного капитализма, они прежде всего отвергают предположение о том, «будто естественное действие экономических законов обеспечит экономическое благосостояние и справедливость, а также свободу для всех, если только государство совершенно перестанет вмешиваться в экономику». Государству авторы отводят роль охраны свободной конкуренции от присущей ей тенденции к самоуничтожению. Келсо и Адлер в функциях государственного аппарата видят две стороны: позитивную (что государство обязано делать) и негативную (чего государство не должно делать). Позитивная деятельность государства в основном должна сводиться к защите частной капиталистической собственности и права капиталистов-акционеров «получать в полном объеме то богатство, которое создано в результате применения принадлежащего им капитала»; к охране свободной конкуренции от присущей ей тенденции к монополии с целью «обеспечить каждой семье возможность сделать вклад в производство — или посредством собственности на капитал, или посредством собственности на труд, или посредством того и другого вместе... но поскольку богатство в основном создается капиталом, постольку оно должно также распределяться в основном в форме вознаграждения собственникам капитала. Так как бремя производства переносится с труда на капитал, возрастающее число семей в обществе должно, следовательно, стать владельцами капитала» (стр. 156). Наконец, по мнению авторов, правительство должно вообще регулировать экономическую деятельность, «ставя своей целью помешать некоторым людям причинять ущерб другим».

Переходя к негативной стороне деятельности государства, авторы заявляют, что «государство не должно делать некоторых вещей, и это так же важно, как и то, что государство должно делать». Правительство, по мнению Келсо и Адлера, не должно владеть и распоряжаться капиталом, помимо тех редких случаев, когда частное владение невозможно (например, общественные дороги). Государство должно также избегать участия в производстве, распределении и перераспределении богатства.

Нетрудно увидеть, что концепция авторов отражает пресловутую теорию «народного капитализма», согласно которой распространение акций капиталистических предприятий, увеличение числа акционеров будто бы приведет к «диффузии» собственности, ликвидирует различия между рабочим классом и **классом капиталистов**, обеспечит превращение всех в капиталистов, разумеется, при должной охране прав акционера государственной властью.

На деле покупка населением акций капиталистических ком-

паний, выдаваемая буржуазной пропагандой за «демократизацию капитала», за превращение общества в бесклассовое, не означает какой-либо существенной перемены в сущности государственного-монополистического капитализма.

Еще В. И. Ленин писал, что «демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала»... на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии»¹.

Уже упомянутый нами Дж. Ливингстон, которого трудно заподозрить в антипатии к капитализму, обследовал данные о 8600 тыс. американских акционеров и пришел к выводу о том, что в США «народного капитализма» нет и единственный путь к исправлению монополистического капитализма в США — обращение к совести бизнесменов, призыв их к самоограничению. Автор нарисовал довольно пессимистическую картину «демократизации капитала» в США. Он констатировал, что лишь незначительное число американцев владеет акциями, причем подавляющее большинство акционеров владеет лишь несколькими акциями. Дивиденд этих акционеров настолько незначителен, что не играет никакой роли в их бюджете. Только у 17 187 человек дивиденды превышают заработок. Это бизнесмены-администраторы². Рассматривая права акционеров, Ливингстон замечает, что право сменить руководство компании или привлечь руководство общества к ответственности в случае обмана существует только на бумаге. Рядовые акционеры пассивны, они заняты своим основным делом, и у них нет времени вникать в дела компании или присутствовать на ежегодных собраниях, которые к тому же обычно созываются в небольших городах, куда добираться долго и дорого. Руководство компании относится к своим акционерам как к «бедным родственникам». Акционеры используют лишь право продать акции — «выйти из игры». Таковы рядовые «народные капиталисты».

Подлинными руководителями акционерных компаний, обладатели большого количества акций и контрольных пакетов акций, получают оклады, превышающие жалование президента Эйзенхауэра (100 тыс. долларов в год). Например, Юджин Грейс, президент «Бетлхем стил компании», получает 809 тыс. долларов в год. Кроуфорт Гринуолт, президент «Дюпон де-Немур» — 600 тыс. долларов, а Нейл Макелрой, как президент компании «Проктор энд Гэмбл», получал 319 тыс. долларов в год, а как министр обороны США получает лишь 25 тыс. долларов в год. Бизнесмены-администраторы пользуются привилегиями при покупке акций.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 216.

² Livingston J. The american stockholder, Philadelphia, Lippincott, 1958, p. 30, 35.

Таковы факты. Они говорят, что никакой «демократизации капитала» в США нет. Лишь 1,4% рабочих США имеют акции, принадлежа к тем «бедным родственникам», о которых говорит Ливингстон. Теория «демократизации капитала» служит пропагандистским целям монополистического капитала, выдавая государственно-монополистический капитализм за «народный капитализм». Помимо этого, распространение, «распыление» акций — самая выгодная форма мобилизации капитала. Распыление акций приводит к тому, что теперь монополистам достаточно иметь 10—15% акций, чтобы руководить в акционерном обществе.

Келсо и Адлер, видя в «народном капитализме» избавление от монополистического капитализма, по сути дела льют воду на мельницу монополий, ибо антимонаполистические меры, предлагаемые ими, не идут дальше благих пожеланий и не представляют опасности для монополистического капитала. Игнорирование экономического закона концентрации производства и образования монополий делает эту буржуазную теорию полностью бесперспективной.

Из многообразия современных буржуазных концепций государственно-монополистического капитализма необходимо выделить группу, сторонники которой *отрицают целесообразность вмешательства государства в экономическую жизнь капиталистического общества*, так как оно якобы нарушает священное право честной конкуренции, порождает злоупотребления, способствует внеэкономическому принуждению, ограничивает демократию, подавляет личную свободу, вызывает экономический застой и т. д.

Взгляды этих экономистов перекликаются со взглядами многих экономистов прошлого века, отстаивавших невмешательство государства в экономическую жизнь. Эти взгляды в общем отражают ныне недовольство мелкой, средней и крупной (немонополистической) буржуазии, обороняющейся от монополий и их верного стража — государства. Но они, как правило, выступают вовсе не против монополий, а против государства, которое поддерживает монополии. Экономисты и социологи, о которых здесь идет речь, ратуют за «свободный» капитализм, за неограниченную частную инициативу, за беспрепятственное развитие капитализма. Вставая в позу защитников частнокапиталистического предпринимательства и противников национализации и государственного вмешательства в управление ненационализированными промышленными, торговыми, транспортными предприятиями и банками, они объявляют «разрушительной» и вредной всякую борьбу против **финансовой олигархии**.

Американский экономист В. Ортон, публицист Н. Бизли, юрист Т. Барбер, английский экономист Ф. Джервис и многие другие в принципе отвергают вмешательство государственной

власти в капиталистическую экономику. Их позиция по существу мелкобуржуазна.

Мелкая буржуазия в вопросе о вмешательстве государства в экономику занимает противоречивую позицию. Выступая против вмешательства государства в экономическую жизнь, она чувствует, что государство выполняет волю монополий и поэтому его вмешательство принесет не пользу, а ущерб ее экономическому положению. Но все же значительная часть мелкой буржуазии, представляя государство в роли арбитра общества, надеется, что вмешательство государственной власти спасет мелкую буржуазию от гнета монополий, обуздает и ограничит их хищническую деятельность.

Вильям Ортон¹, например, констатируя усиление за последнее время государственного контроля над экономикой, считает, что этот контроль приводит к нежелательным результатам. Выступая против вмешательства государства в экономическую жизнь, Ортон мотивирует свою позицию тем, что сосредоточение экономики страны в руках государства нарушает принцип справедливости (нельзя-де стоять за политическую свободу, ущемляя экономическую свободу), а также тем, что деятельность государства в экономической области приводит к столкновению его с интересами других государств. По его мнению, человечество нуждается в государстве лишь для соблюдения законов и общественного порядка.

Как видно, Ортон неправильно изображает соотношение между государством и экономикой в условиях капитализма, не видит активной роли государства по отношению к экономическому строю, не понимает сущности буржуазного государства как политической организации экономически господствующего класса.

Такая точка зрения, разделяемая многими буржуазными теоретиками, обходит вопрос о классовой природе государства и о характере господствующих в капиталистическом обществе производственных отношений. Она рассматривает роль государства лишь в плоскости его отношения к правам и свободам индивидуума, как такового. Сторонники этой точки зрения утверждают, что экономические отношения не нуждаются ни в каком государственном контроле. Они допускают лишь регулирование имущественных отношений, законодательство о труде и охране собственности. Если же государство тем не менее вмешивается в экономическую жизнь страны, то этим оно нарушает естественный ход экономической жизни и наносит серьезный вред личной свободе в очень важной области деятельности людей. Из сказанного видно, что ученые этого типа неправильно ставят и решают проблему соотношения государства и экономики, государства и индивидуума.

Буржуазия извлекает известный политический выигрыш из

---

¹ Orton W. The economic role of the state, Chicago, 1950.

теорий, отрицающих экономическую роль буржуазного государства. Эти теории ей выгодны потому, что они распространяют в народе миф о том, что буржуазное государство не несет никакой ответственности за несправедливость в отношениях собственности на средства производства, в распределении национального дохода между классами, в распределении доходов частных лиц.

Крупный чиновник государственного аппарата США Уоррен Баум на примере экономической деятельности французского государства надеется дать ответ на «жгучий и противоречивый вопрос нашего времени»: что такое экономическая роль государства и в чем она должна выражаться? В этой связи Баум ставит три проблемы: почему государство стало вмешиваться в экономику, как осуществляло оно свою экономическую роль и каковы результаты этой деятельности государства? ¹. Описывая крах «плана Монне» (1947—1952 гг.) и затем «плана Хирша» (1954—1957 гг.), а также проблемы послевоенной национализации во Франции, автор довольно отчетливо проводит мысль о том, что все эти попытки принесли Франции разочарование. Баум приходит к выводу, что правительственное регулирование практически приводит к «деформации рыночных процессов», оно не может «излечить рыночный склероз» и обеспечить быстрое экономическое развитие.

Все эти примеры понадобились Бауму для того, чтобы развенчать экономическую деятельность государства и доказать, что действительная экономическая роль государства должна состоять в невмешательстве в экономику, предоставив ее «частной инициативе». По мнению автора, государство должно обеспечивать «выполнение законов» и «не допускать анархии». Любопытно, что это заключение не помешало автору сделать намек, что Франция нуждается в «авторитетном правительстве», что вполне соответствует пресловутой теории «сильной руки», которая была использована реакцией, приведшей к власти де Голля.

В теории Баума уживаются экономическое невмешательство и тоталитарная деятельность государства, что выдает автора этой теории за явного апологета капиталистического строя, критикующего неудачную экономическую «интервенцию» буржуазного государства.

Резюмируя сказанное, отметим, что буржуазные экономисты фактически отрицают стихийное действие экономических законов капитализма. Изоорясь в восхвалении капитализма и в очернении социализма, они выступают апологетами реакции и противниками прогресса. Заметим также, что многие из современных буржуазных теорий далеко не оригинальны. Они нередко в ухудшенных вариантах повторяют теории, бытовавшие много десятков лет назад. И это не является

¹ Baum W. The french economy and the state, Princeton, 1958.

неожиданным. Империализм — преемник не только противоречий домонополистического капитализма в экономике, но и экономических учений, возникших на почве домонополистического капитализма.

В буржуазном обществе нет единообразного понимания и толкования процессов общественной жизни, а, наоборот, существуют разноречивые взгляды на одни и те же вопросы. Буржуазные теоретики не могут затушевать классовое содержание своих якобы «объективных» исследований. Иной раз эти «исследования» не идут дальше смены рекламы старого, одряхлевшего капитализма. «Характерно, — указывал Н. С. Хрущев, — что в Америке сейчас многие деятели не называют существующий там строй капитализмом, а придумывают такие названия, как «народный капитализм», «демократический капитализм», «гуманный капитализм». Вот видите, до чего дошло дело — они сами стыдятся называть вещи своими именами. В самом деле, разве не противоестественно называть капитализм «народным» или «гуманным»? Кто не знает, что капитализм живет за счет нещадной эксплуатации труда миллионов»¹.

Хотя буржуазные теории государственно-монополистического капитализма представляют собой довольно пеструю картину и может показаться, что ничто не объединяет их воедино, при ближайшем их рассмотрении обнаруживаются существенные объединяющие моменты, которые говорят о подлинном классовом единстве буржуазной экономической мысли. Каковы эти моменты?

Во-первых, современные теории государственно-монополистического капитализма, как и вся буржуазная политическая экономия, являются надстройкой над загнивающим экономическим базисом капитализма. Выражая интересы буржуазии как класса, они тормозят тем самым исторический прогресс.

Во-вторых, многочисленные буржуазные теории по существу едины в своей защите государственно-монополистического капитализма. Они различаются главным образом способами и рецептами защиты империализма, способами и методами «исправления» капитализма.

В. И. Ленин указывал, что «буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п. Реже выступают циничные, откровенные империалисты, имеющие смелость признать неле-

---

¹ «Правда» от 8 октября 1959 года.

лость мысли о реформировании основных свойств империализма»¹.

В-третьих, приукрашивая капитализм, замазывая его вопиющие противоречия, современные буржуазные ученые едины в своей борьбе с марксизмом-ленинизмом, в деле обмана трудящихся.

СОВРЕМЕННЫЙ РЕФОРМИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ О ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Правые социалисты, являющиеся реформистами, не согласны как с теми экономистами и социологами, которые выступают против экономического вмешательства буржуазного государства, так и с теми, которые высказываются за регулируемый государством капитализм. Они хвастливо заявляют, что в их теории «демократического социализма» синтезируются плановые начала и свободная конкуренция, являющаяся необходимой гарантией свободы индивидуума в экономической жизни общества.

Реформисты при анализе современного капитализма исходят из антинаучной концепции, согласно которой:

1) капиталистическое общество под влиянием собственных «динамических сил» и демократического давления рабочего класса изменилось до неузнаваемости, в связи с чем капитализм утратил своей прежний эксплуататорский характер и стал содействовать благосостоянию всего народа; 2) возникло «государство благосостояния». Это утверждение представляет собой вариант стародавней теории «организованного» и «демократического» капитализма, которую отстаивали Р. Гильфердинг, К. Каутский и другие.

Многие реформисты уверены, что если США являются эталоном «народного капитализма», то Англия служит образцом «государства благосостояния», под которым они понимают равномерное распределение собственности и равные возможности для всех. В частности, в своем программном заявлении «Промышленность и общество» английские лейбористы заявляют, что достижения их правительства в 1945—1951 годах обусловили «далеко идущее перераспределение социальной, экономической и политической власти»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 272.

² Основные программные документы английской лейбористской партии «Промышленность и общество» и «Общественное предпринимательство» (с этими документами лейбористы выступали на парламентских выборах осенью 1959 года), признавая бесспорный факт господства в экономике Англии гигантских монополий, пытаются приукрасить английский империализм, наделив его чертами так называемого «народного капитализма», что нашло свое выражение в соглашательской теории официального правого крыла лейбористской партии — теории «промышленной демократии».

Если поверить словам проповедников мифа о «государстве благосостояния», то в странах так называемого «свободного мира» люди теперь живут в обществе совершенно новой формы. В этом идиллическом обществе царит мир и божья благодать. В нем крупные монополии уже не господствуют, а государство имеет своей основной целью служение всем. Общество изображается как некая эволюционирующая промежуточная стадия между монополистическим капитализмом и социализмом.

Пропагандой антинаучной концепции «государства благосостояния» реформисты хотят убедить рабочих и трудящихся вообще в том, что им не следует бороться против империалистического государства, а, наоборот, надлежит поддерживать его. Опасность этой концепции заключается в том, что она ослабляет боевой дух рабочих, сея среди них иллюзии того, что их главные враги — буржуазия и буржуазное государство — переродились, стали «ручными» и защищают интересы всего народа. Теория «государства благосостояния», по замыслу ее создателей, должна побудить рабочих думать, что их врагом может быть отдельный предприниматель или даже капиталистические монополии, но ни в коем случае не государство предпринимателей.

Итак, основной теорией реформизма является «демократический социализм» и «государство народного благосостояния». Обе теории подчинили себе или в значительной мере поглотили такие разновидности реформизма, как «кооперативный социализм», «гильдейский социализм», «юридический социализм», «этический социализм», «конструктивный социализм», фабианство и т. п. Реформисты сводят социализм к сумме моральных ценностей или идеалов, но ни в коем случае не к устранению класса капиталистов. «Под социализмом, — пишет видный деятель лейбористской партии К. Зиллиакус, — я имею в виду общество, в котором колоссальная концентрация экономической и финансовой мощи в частном безответственном владении, угрожающая демократии созданием государства в государстве, заменена общественной собственностью, планированием и контролем; это — общество, в котором *рабочие и предприниматели* (подчеркнуто нами. — Б. Д.) участвуют в управлении и распределении и где благо общества, а не частное присвоение доходов стало главной пружиной экономической системы»¹.

Не случайно лидеры Социал-демократической партии Германии в разделе новой программы «Основные ценности социализма» подчеркивают, что «демократический социализм... своими корнями уходит в христианскую этику...». Реформистов всех мастей роднит отрицание социалистической революции и диктатуры пролетариата. Лидеры СДПГ, например, до-

¹ К. Zilliacus. A new birth of freedom? London, 1957, p. 9.

катились до поддержки милитаристского и реваншистского государства ФРГ, они обязывают партию «официально похоронить свое марксистское прошлое» и принять «политическую философию, основанную на частной собственности»¹.

Реформисты искажают природу современного государственно-монополистического капитализма. Приверженец левого крыла лейбористской партии Джон Стречи² привел в систему основные теоретические положения социал-реформизма. По его словам, капитализм изменил свою природу в том смысле, что законы развития предыдущей стадии уже неприменимы полностью к новой стадии развития этого общества. По Стречи, гигантские фирмы стали теперь реальными и самостоятельно действующими лицами, отличными от своих владельцев — держателей акций. Благодаря деятельности своих управляющих они способны самостоятельно производить накопления без того, чтобы новый капитал становился собственностью какого-либо определенного капиталиста. Это, по его мнению, равносильно переводу функции накопления с индивидуальной на полукolleктивную основу. Управление важными участками экономики отделяется от владения ими. Родился неизвестный до этого класс, состоящий из держателей акций. Последние владеют, но не управляют основными участками экономической деятельности страны. Появились также лица, управляющие предприятиями, но не владеющие ими.

На новой стадии капитализма государство, обычно вопреки его воле, вовлекается в производственный процесс. Если на предшествующей стадии развития капитализма роль государства сводилась к функциям посредника и арбитра в процессе конкуренции (обеспечение выполнения контрактов, заключенных между конкурентами), то теперь под влиянием сокращения числа конкурентов оно отказалось от функции посредника и непосредственно участвует в производстве. Касаясь экономической причины участия государства в процессе производства, Стречи пишет, что государственная власть вынуждена поступать так потому, что экономика, предоставленная сама себе, проявляла бы все более катастрофическую тенденцию к неустойчивости.

В промышленно развитых странах государство осознало, что можно и должно контролировать распределение дохода между общественными классами и отдельными гражданами, заботиться о поддержании на должном уровне общего платежеспособного спроса на весь национальный продукт в целях избежания инфляции или кризиса, пытаться влиять на распределение производственных ресурсов между текущим потреблением и производством новых средств производства, перекладывать ресурсы из одной сферы производства в другую (с вну-

¹ См. «Правда» от 29 ноября 1959 года.

² John Strachy. Contemporary capitalism, London, 1956.

треннего рынка на экспорт, с мирного производства на производство вооружения). Государство иногда устанавливает цены, размер прибылей и осуществляет нормированное распределение сырья между производителями. Оно может также осуществлять контроль и регулирование внешнеторговых сделок, заключаемых его гражданами.

И, наконец, государству, пишет Стречи, приходится в отдельных случаях непосредственно заниматься самим производством, национализируя те или другие отрасли хозяйства.

Анализируя политическую причину участия государства в процессе производства, Стречи имеет в виду давление демократических сил, уравнивающих, а в конечном счете якобы могущих преодолеть капиталистические тенденции неустойчивости и неравенства. По мнению Стречи, силы, стремящиеся преобразовать самую природу капиталистической системы, достигнут своей цели. Демократия в смысле политического давления масс привела, по Стречи, к далеко идущим последствиям. Она приобрела большое значение как фактор, оказывающий существенное влияние на распределение товаров и услуг между людьми и классами. «Попросту говоря, — пишет Стречи, — демократия стала определять, кто должен быть богатым, а кто бедным, и в какой степени богатым или бедным».

Основным пороком концепции Стречи, как нетрудно заметить, является игнорирование им классовой природы буржуазного государства как государства диктатуры империалистической буржуазии, игнорирование характера так называемой современной демократии, являющейся на деле одной из форм этого государства.

Если марксизм рассматривает буржуазное государство как орудие господства буржуазии, то реформисты изображают его как нечто возвышающееся над классами, как инструмент, при помощи которого общество контролирует труд и капитал, регулирует их отношения, примиряет их интересы, при необходимости вмешивается в их права. Нетрудно также заметить, что Стречи, одобряя экономическую теорию Кейнса и концепцию «государства социального благополучия», пытается приспособить отдельные аспекты марксизма, предварительно выхолостив его, к иллюзии «государства благополучия».

Любопытно, что Стречи избегает называть современный государственно-монополистический капитализм монополистическим капитализмом, империализмом, считая что эти названия придуманы с целью выпятить то или иное общественное явление, но не охватывают якобы сущность буржуазного общества. Сам же Стречи не нашел ничего лучшего, как назвать монополистический капитализм просто последним этапом капитализма, изгнав из его определения экономическую природу империализма.

Согласно этому варианту социал-реформизма, идеалом, к

которому надо стремиться, является демократический социализм, а путь, по которому надо идти к этой мечте, есть путь демократии. По Стречи, демократия может добиться лучших результатов, чем революция, или, говоря другими словами, она «может оказаться более совершенным растворителем всякого рода привилегий, чем какая-либо революция».

Примерно ту же позицию занимает видный лейбористский теоретик Р. Кросленд, который пытается обосновать «новое понимание социализма» и представить лейбористский путь «идеальным» путем к социализму. Он говорит об эволюционном преобразовании капитализма в Англии, который якобы устранил два открытых К. Марксом порока капитализма: рост нищеты масс и усиление неустойчивости экономики, проявляющиеся, в частности, в кризисах. Выдвигая идею эволюционного преобразования капитализма в Англии, Кросленд стремится доказать вечность капиталистического строя, отсутствие необходимости в социалистической революции и диктатуре пролетариата. Капитализм в Англии, по словам Кросленда, имеет следующие «достижения»: усиление государственного воздействия на экономику, утрата буржуазией ее командных высот, национализация «основных отраслей» хозяйства, решающее усиление позиций рабочего класса вследствие полной занятости и новой ситуации на рынке труда, «психологическая революция» в частном секторе и изменение роли прибыли вследствие технического прогресса, усилившего роль специалистов в ущерб роли собственников, и т. д. По словам Кросленда, в «трансформации капитализма» заинтересованы не только «антикапиталисты», но и сами капиталисты. Социалистам остается лишь ускорять этот процесс, происходящий в силу внутренних закономерностей капитализма.

Не касаясь элементов «трансформации капитализма», намеченных Р. Крослендом, остановимся на пресловутой лейбористской «национализации» в Англии.

Лейбористское правительство передало из частных рук в государственную собственность в основном те отрасли капиталистической промышленности, которые, находясь в частном владении, обанкротились. При этом бывшим владельцам выплачивается огромная компенсация за счет эксплуатации рабочих. Национализированные отрасли хозяйства контролируются не рабочими в интересах рабочих, а капиталистами с целью обеспечить компенсацию бывшим владельцам и дешевые услуги для тех отраслей капиталистической промышленности, которые остались в частных руках.

Как правильно отмечает профсоюзный деятель Клайв Дженкинс в книге «Власть наверху», вышедшей в Лондоне в 1959 году, лейбористская программа национализации носила характер сугубо капиталистических мероприятий, аналогичных «новому курсу» Ф. Рузвельта. Лейбористское правитель-

ство не стремилось ликвидировать классовые различия и не старалось обеспечить переход власти из рук собственников в руки рабочего класса. Лейбористская национализация вызвала ряд отраслей промышленности из тяжелого положения, спасла некоторые из отраслей от банкротства. В результате сверхщедрой компенсации бывшим владельцам национализация взвалила на государство огромные финансовые обязательства, легшие своей тяжестью на плечи рабочих. Национализация усилила 80 процентов промышленности, оставшейся в частной собственности. Да и деятельность национализированных предприятий, обеспечивающих высокоприбыльный частный сектор дешевыми товарами и услугами, осуществляется в интересах частного сектора капиталистического хозяйства.

Фактически национализированные предприятия остались под контролем частного капитала. На посты членов управления национализированными отраслями хозяйства назначены лица, тесно связанные с крупными фирмами, банками и предприятиями, поставляющими оборудование соответствующим государственным корпорациям. Соотношение социальных сил в национализированном секторе осталось таким же, каким оно было до национализации, т. е. в нем существуют такие же классовые отношения, как и в частнопредпринимательских фирмах. А это значит, что созданные лейбористским правительством национализированные отрасли промышленности стали «средством сохранения застывшей классовой структуры английского общества». Огромная компенсация, выплаченная владельцам шахт и железнодорожного транспорта, отмечает Дженкинс, обеспечила им средства для капиталовложений в растущие отрасли экономики и, таким образом, косвенно усилила английский капитализм.

О капиталистическом характере национализированных в Англии отраслей хозяйства свидетельствует также то, что членам управлений этих отраслей установлены оклады на уровне окладов директоров крупных частнокапиталистических компаний. Например, в конце 1957 года жалование каждого из председателей главных управлений составляло 10 тыс. фунтов стерлингов в год, их заместителей — 5,7 и 8 тыс., а членов управлений — от 5 до 7,5 тыс. фунтов стерлингов, в то время как, например, средний заработок железнодорожника составил в 1957 году 595 фунтов стерлингов в год.

Так называемая «национализация» небольшого сектора экономики не изменила характера капиталистической собственности и эксплуатации, в том числе и в «национализированных» отраслях. Она лишь заменила частные акции государственными ценными бумагами.

Что же касается усиления роли рабочего класса и ослабления влияния буржуазии, то, как отмечал Джордж Мэтьюз в докладе на XXV съезде Коммунистической партии Велико-

британии, «Британское государство — могущественное государство монополистического капитала. Вся государственная машина построена с целью сохранения капиталистического строя и предотвращения прогресса социализма; а за последние годы государство укрепляется как орудие монополистического капитализма»¹.

Путь реформизма неизбежно ведет к увековечиванию капиталистического строя, а социализм реформистов ничего общего с подлинным социализмом не имеет, ибо они отрицают диктатуру пролетариата, обожествляют буржуазную демократию.

Помимо реформистов идейную и социальную опору буржуазии в рабочем движении представляет собой ревизионизм.

Современные ревизионисты, крикливо выступающие против «догматического» марксизма, на деле стремятся подвергнуть пересмотру марксизм-ленинизм, внести свои «коррективы» во все составные части этой теории, расколоть ряды международного рабочего движения, и прежде всего дезорганизовать мировую социалистическую систему.

Их идеи рассчитаны на парализацию революционной энергии рабочего класса. Ревизионисты призваны империализмом играть роль троянского коня, при помощи которого они хотят изнутри разложить коммунистические и рабочие партии и лишить марксизм-ленинизм его боевого духа. «Современный ревизионизм, — отмечается в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в ноябре 1957 года, — пытается опорочить великое учение марксизма-ленинизма, объявляет его «устаревшим» и якобы утратившим ныне значение для общественного развития»². В Декларации подчеркивается, что наличие буржуазного влияния является внутренним источником ревизионизма, а капитулянтство перед давлением со стороны империализма — его внешним источником.

Эрл Браудэр, исключенный в 1946 году из Коммунистической партии США за свою ревизионистскую деятельность и подвизающийся ныне в качестве «консультанта» по вопросам коммунизма в частных учреждениях, финансируемых крупными капиталистами; старается опровергнуть марксизм, претендуя в то же время на «объективность»³. Исходя из пресловутой теории «исключительности американского капитализма», он игнорирует действие закона обнищания рабочего класса в США и успокаивает капиталистов тем, что, «посколь-

¹ «Daily Worker», 22 april 1957.

² Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года, стр. 16. Госполитиздат. 1957.

³ Earl Browder, Marx and America, New York, 1958.

ку дело идет о теории Маркса, у Америки нет никаких поводов для беспокойства».

Американские ревизионисты отстаивают тезис о том, что национальные особенности США создают объективные условия для «государства всеобщего благосостояния» и что американский капитализм вступил в некую переходную фазу между монополистическим капитализмом и социализмом. Они акцентируют главное внимание на национальных особенностях и характерных чертах американского капитализма, изображают «государство всеобщего благосостояния» как антимонополистическую форму демократии в условиях капитализма, соответствующую той стадии социального прогресса, за которой следует социализм.

Американские ревизионисты оказались на поводу пропагандистской машины буржуазии, ежеминутно внушающей гражданам США, что они никогда не жили так хорошо, как теперь, что они живут в самом лучшем из всех возможных миров и что этим «счастьем» они обязаны «новому капитализму», «последней модели капитализма», из которой инженеры устранили все дефекты, экономика которой стала «экономикой страны чудес».

Такого рода взгляды — разновидность мифа о возможности перерастания монополистического капитализма в «немонополистический» или даже «антимонаполистический». Эти взгляды прямо вытекают из буржуазной теории «американской исключительности», согласно которой капитализм в США не является капитализмом, а американские рабочие пролетариями и в США нет социальных классов и классовой борьбы.

Одним из коренных пороков программы Союза коммунистов Югославии является утверждение, что в условиях государственно-монополистического капитализма имеет место «диффузия» власти, разделяемой между классами, что буржуазное государство служит как интересам монополистических магнатов, так и интересам рабочих. В программе СКЮ говорится, что в фазе государственно-монополистического капитализма «государственный аппарат в стремлении к достижению своей самостоятельной функции становится над обществом и проявляет тенденцию ко все большему ограничению роли как частного капитала, так и роли рабочего класса». В процессе политической борьбы между буржуазией и рабочим классом за влияние в системе государственного капитализма достигнуто якобы равновесие и в связи с этим функции бюрократии становятся более самостоятельными.

Это утверждение — продукт метафизического мышления, которое выражается в выхватывании отдельных проявлений общественной жизни из всеобщей их связи, абсолютизирование, преувеличение этих черт. Фиксируя возрастание роли бюрократии в жизни капиталистических стран, ревизионисты

делают из этого выводы, противоречащие объективному ходу развития капиталистического общества. Отношения между буржуазией и пролетариатом, по их мнению, теряют значение определяющего фактора общественной жизни, проблема капиталистической собственности отодвигается на задний план, опасность для общественного прогресса заключается уже не в капиталистических монополиях и диктатуре буржуазии, а во власти директоров, управляющих, чиновников. Государственная власть теряет свой классовый характер, все более выходя в роли арбитра.

Эти утверждения далеки от истины. На самом деле буржуазное государство является по своей классовой сущности государством капиталистов. Его природа не изменяется от того, что в капиталистическом обществе возникает государственная собственность в некоторых отраслях производства. Чем больше производительных сил включается в собственность буржуазного государства, тем полнее оно превращается в совокупного капиталиста и тем большее число наемных рабочих непосредственно им эксплуатируется. Национализацией отдельных отраслей хозяйства капиталистические отношения не уничтожаются, а лишь доводятся до высшей точки, до крайности. Государственно-монополистический капитализм означает не простое переплетение государства с монополиями, а все большее подчинение государства монополиям, благодаря чему всевластие монополий беспрецедентно возрастает.

Ревизионисты выдвигают тезис, согласно которому вмешательство буржуазного государства в экономику будто бы расшатывает основы капитализма, порождает в капиталистическом обществе «социалистические элементы», пробивающиеся на свет через трещины капиталистической системы. С этой точки зрения, завоевание диктатуры пролетариата не является обязательной предпосылкой для перехода к социализму, ибо социализм вырастает из недр капитализма стихийно и уже стал содержанием и методом повседневной практики всего человечества, единым, мировым процессом. Это рассуждение перекликается с буржуазными и правосоциалистическими теориями о «смешанной экономике».

Программа СКЮ говорит о росте государственно-капиталистических тенденций и возрастании значения государственного аппарата. «Государство, — записано в программе СКЮ, — становится необходимым фактором основных экономических процессов общества. Оно все более и более контролирует капитал, ограничивает частично права частного управления капиталистической собственностью и лишает владельцев частного капитала определенных самостоятельных функций в экономике и обществе».

Тезис ревизионистов о том, что государство все больше и

больше ограничивает роль частного капитала и что государственный аппарат представляет собой «самостоятельную экономическую базу», перекликается с антимарксистской концепцией межклассового государства-арбитра.

Реформисты сочинили миф о надклассовом государстве, а ревизионисты уверовали в него. Их отход от марксизма можно проследить и тогда, когда они ломятся в открытую дверь, констатируя, что роль государства в экономической жизни возросла. Но не в доказательстве этого факта дело, а в том, чтобы правильно выяснить, в интересах какого класса и как буржуазное государство влияет на хозяйство, какой класс является контролирующим и какой контролируемым.

В. И. Ленин, рассматривая вмешательство государства в экономическую жизнь под влиянием первой мировой войны, писал: «И Америка и Германия «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли *выше* тех, какие были до войны»¹.

Ревизионисты клянутся в верности идеям марксизма-ленинизма, и только в этом заключается их отличие от открыто буржуазной идеологии. В. И. Ленин отмечал, что «новое» критическое направление — ревизионизм — было прямо перенесено из буржуазной литературы в социалистическую. «Внутренне-сгнивший либерализм, — писал он, — пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*»².

Сказанное лишний раз свидетельствует об идейной близости буржуазных, реформистских и ревизионистских воззрений на природу и судьбы государственно-монополистического капитализма. Но если буржуазные теоретики не признают социализм и коммунизм обществом будущего, а потому силятся оправдать усиление экономической роли буржуазного государства необходимостью укрепления капитализма, ликвидацией его противоречий и зол, то реформисты и ревизионисты видят в государственно-монополистическом капитализме уже созревшие элементы социалистических производственных отношений, они умиротворяют, разоружают рабочий класс, проповедуя, что путем реформ, без революции капитализм «вползет» в социализм. Видно, что антимарксистские учения искажают вопрос об историческом месте империализма, не признают, что государственно-монополистический капитализм есть канун социалистической революции.

Государственно-монополистический капитализм есть последний этап в развитии общественно-экономической форма-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 309.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 546.

ции капитализма, есть завершение капитализма, его крайняя ступень. В рамках капитализма неизменно и постоянно созревают материальные предпосылки социализма.

Реформисты и ревизионисты в лучшем случае отождествляют производственные отношения с материальными предпосылками социализма. Это позволяет им сделать вывод о том, что будет происходить медленное, эволюционное вползание капитализма в социализм. Следуя за своей догмой, они спешат объявить чуть ли не всякое мероприятие в капиталистических странах, например, передачу в собственность государства нерентабельных предприятий, социалистическим мероприятием.

Но реформисты и ревизионисты не хотят учесть того, что материальные предпосылки есть область производительных сил, а не область производственных отношений.

Утверждая, что государственно-монополистический капитализм создал материальные предпосылки социализма и нужен только революционный толчок, чтобы сбросить навеки капиталистический гнет, марксисты имеют в виду, что капитализм развил производительные силы, обобществил производство, ввел акционерную форму управления предприятиями, поручил административному аппарату функции, которые ранее выполняли сами капиталисты, усовершенствовал контроль и учет, гигантски сконцентрировал и централизовал производство. Все это в совокупности составляет материальные предпосылки социализма. Высокий уровень обобществления производства в рамках государственно-монополистического капитализма имеет важнейшее значение при национализации производства в переходный период от капитализма к социализму.

Заслуживает огромного внимания вопрос о новых формах и перспективах перехода к социализму в современной обстановке борьбы за мир во всем мире и мирного сосуществования двух мировых систем, но это вопрос о путях перехода к социализму, а не о реформировании капитализма. Ответить на этот вопрос можно только творчески применяя к конкретным условиям той или иной страны основные положения марксизма-ленинизма, в частности, положения о государственно-монополистическом капитализме.

Исторический опыт с неопровержимой силой подтверждает, что попытки современных апологетов империализма ослабить притягательную силу идей марксизма-ленинизма, принизить замечательные успехи Советского Союза, Китайской Народной Республики и других стран социалистического лагеря обречены на полный провал. Напрасно духовные оруженосцы империализма тешат себя иллюзиями, что будущее принадлежит капитализму. Никакие стремления буржуазии и ее идеологов не могут отвратить закономерной неизбежности краха капитализма и торжества коммунизма — самого передового и самого справедливого общественного строя.

Краткие советы лектору

Критика антимарксистских теорий государственно-монополистического капитализма занимает важное место в борьбе с буржуазной идеологией и является одной из актуальных задач пропагандиста, лектора, агитатора, выступающего по текущим вопросам.

В предлагаемой брошюре лектор найдет теоретический и фактический материал по критике буржуазных, реформистских и ревизионистских теорий государственно-монополистического капитализма. Этот материал лектор может использовать при изложении ряда вопросов политической экономики капитализма, в особенности вопросов о ссудном капитале и проценте, об экономических кризисах, об основных признаках империализма и его историческом месте, об общем кризисе капитализма. Кроме того, в порядке противопоставления, следует использовать материал при изложении проблем переходного периода от капитализма к социализму, экономической роли социалистического государства, экономического закона планового развития народного хозяйства при социализме и т. д.

Содержащийся в брошюре фактический материал, взятый в основном из зарубежных источников, поможет ярче показать неоспоримую правоту марксистско-ленинского учения о государственно-монополистическом капитализме.

Читатель, знакомясь с писаниями буржуазных теоретиков, может убедиться, насколько изощрены ныне попытки апологетов империализма опровергнуть марксизм.

Готовясь к лекции или беседе, целесообразно обратить особое внимание на следующие моменты.

1. В лекции следует отчетливо подчеркивать классовое единство воззрений буржуазных идеологов и только на этой основе раскрывать множественность антимарксистских теорий.

2. Лектор должен подчеркнуть идейное единство и общие социальные корни буржуазных, реформистских и ревизионистских воззрений. Для этого полезно сопоставлять теоретические формулы представителей буржуазного, реформистского и ревизионистского направлений, обращая внимание аудитории на их сходство и показывая апологетический характер всех трех разновидностей антимарксистских теорий.

3. Особое внимание лектору необходимо обратить на критику современного ревизионизма, представляющего наибольшую опасность для мирового рабочего и коммунистического движения. Нужно показать, что основное отличие ревизионизма от откровенно буржуазного мировоззрения заключается в том, что ревизионисты прикрывают свои антимарксистские догмы марксистской терминологией.

4. Излагая антимарксистские учения, необходимо подчеркнуть, что они основаны на крайне поверхностном рассмотрении новых черт капитализма, обусловленных развитием государственно-монополистического капитализма.

5. При чтении лекции следует особо отметить, что большинство буржуазных ученых ловко подменяют марксистскую терминологию своей выдуманной, псевдонаучной фразеологией, чтобы сбить с толку читателя, запутать его.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс и Ф. Энгельс.** Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат. 1955.
- К. Маркс.** Капитал, т. I, II, III. Госполитиздат. 1955.
- К. Маркс.** Теории прибавочной стоимости, ч. I, II. Госполитиздат. 1955.
- Ф. Энгельс** Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1956.
- В. И. Ленин.** Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
- В. И. Ленин.** Государство и революция. Соч., т. 25.
- В. И. Ленин.** Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Соч., т. 9.
- В. И. Ленин.** Марксизм и ревизионизм. Соч., т. 15.
- В. И. Ленин.** Еще одно уничтожение социализма. Соч., т. 20.
- Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года.** Госполитиздат. 1957.
- Н. С. Хрущев.** Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат. 1956.
- Н. С. Хрущев.** О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 года. Госполитиздат. 1959.
- «Жить в мире и дружбе».** Госполитиздат. 1959.
- Л. Альтер.** Крушение теории «планового капитализма». Госполитиздат. 1954.
- Г. Аптекер.** Лауреаты империализма. Изд-во иностранной литературы. 1955.
- Г. Ардаев и А. Вебер.** Новые эксперименты с «народным капитализмом» (Западная Германия и Австрия). Соцэкгиз. 1958.
- А. Бутенко.** Основные черты современного ревизионизма. Госполитиздат. 1959.
- И. Г. Блюмин и И. Н. Дворкин.** Миф о «народном капитализме». Госполитиздат. 1957.
- И. Г. Блюмин.** О современной буржуазной политической экономии. Соцэкгиз. 1958.
- М. С. Драгилев.** Государственно-монополистический капитализм на современном этапе. Изд-во «Знание». 1959.
- «Критика теорий регулируемого капитализма».** (Сборник статей). Соцэкгиз. 1959.
- И. Кузьминов.** Государственно-монополистический капитализм. Госполитиздат. 1955.
- В. Перло.** Империя финансовых магнатов. Изд-во иностранной литературы. 1958.
- С. А. Суповицкий.** Миф и «народном капитализме» и американская действительность. Изд-во «Знание». 1959.
- Г. Фабиунке.** «Народный капитализм» в теории и на практике. Изд-во иностранной литературы. 1959.
- А. И. Шнейерсон.** Подчинение буржуазного государства монополиям. Изд-во Академии наук СССР. 1956.
- «Апологеты монополий».** Изд-во иностранной литературы. 1955.
-

ТОВАРИЩИ!

В 1960 году издательство «Знание» выпускает 12 серий брошюр-лекций (средний объем брошюр всех серий — 2,5 печатного листа).

С е р и и	Количество брошюр в год	Подпис- ная цена на год	Цена одной брошюры
Первая серия — историческая	36	21—60	60 коп.
Вторая серия — философская	36	21—60	60 коп.
Третья серия — экономическая	36	21—60	60 коп.
Четвертая серия — научно-техническая	36	27—00	75 коп.
Пятая серия — сельскохозяйственная	24	15—60	65 коп.
Шестая серия — по вопросам литературы и искусства	24	15—60	65 коп.
Седьмая серия — международная	24	14—40	60 коп.
Восьмая серия — по вопросам биологии и медицины	24	18—00	75 коп.
Девятая серия — по вопросам физики и химии	24	18—00	75 коп.
Десятая серия — молодежная	12	7—20	60 коп.
Одиннадцатая серия — педагогическая	24	14—40	60 коп.
Двенадцатая серия — «Библиотека сельского лектора»	24	15—60	65 коп.

Начиная с 1960 года, в каждую брошюру включают краткие методические материалы в помощь лекторам, а также материалы в помощь занимающимся самообразованием (рекомендательные списки литературы, словарики, цифры и факты и пр.).

Подписывайтесь на брошюры-лекции издательства «Знание»!

Подписка принимается с любого очередного месяца до конца года городскими и районными отделениями «Союзпечать», конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах, в учреждениях и учебных заведениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Всесоюзного общества по распространению
политических и научных знаний